Марина Милованова
Воровка.
В кольце страха
Опасность всегда существует для тех, кто ее боится!

Марина Милованова

В кольце страха

Серия «Воровка», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958151
Воровка. В кольце страха: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1298-3

Аннотация

Время бежит. Профессиональная воровка по имени Лайса стала княгиней Райлена, но не оставила любимого дела. Она по-прежнему, тайком от мужа, занимается своим опасным ремеслом. В этот раз она принимает вполне безобидный и даже банальный заказ: выкрасть фамильный перстень у коллекционера из соседнего города. Просто, быстро и без затей.

«Справлюсь!» – решает воровка и… попадает в очередной водоворот приключений, причем таких, от которых голова пойдет кругом и затрясутся поджилки не только от смеха, но и от страха. Ей придется познать предательство близких, исправить ошибки прошлого и одолеть многочисленных коварных и могущественных врагов, а главное – победить страхи, которые гнездились в ее собственной душе.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 26
Глава 5 31
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Марина Милованова
В кольце страха

Пролог

«…Гибель твоя внутри тебя, ибо страх есть подчиняющее оружие. Кто владеет страхом, тот владеет миром».

Он захлопнул книгу и уставился в дощатый пол задумчивым взглядом.

Как все просто: получив власть над страхом, можно покорить мир или… защитить собственную страну. Забавно, какая великая мощь скрыта внутри небольшого предмета. Еще забавней, что люди зачастую не подозревают об истинной ценности попавших в руки вещей. Особенно если записи о них считаются утерянными или давно перешли в разряд легенд. И смешно, что важные сведения свободно выбалтываются под воздействием алкогольных паров. Нужно только уметь ждать и слушать, а также вовремя задавать интересующие вопросы.

Теперь дело за малым: прийти и взять. Ничего сложного, особенно если есть возможность убить одним выстрелом двух зайцев.

Глава 1

Спокойна жизни гладь,
Живет там счастье тихо —
Земная благодать.
И не находит Лихо
Сей райский уголок.
Есть все, о чем мечтала.
Но вновь приходит срок,
Ты все начнешь сначала…

Солнечный луч лениво полз по светлому ковру, медленно пересекая комнату по диагонали. Лежа на животе и заинтересованно свесив голову, я задумчиво следила за ним с высоты кровати и решала один мучительно важный для себя вопрос.

Талейна уже и след простыл – в последнее время муж возобновил утренние тренировки, мотивируя свое решение тем, что магия в руках, конечно, хорошо, но, когда еще и мускулы на этих самых руках крепкие, гораздо лучше. Теперь по утрам меня встречает его остывшая подушка. Сегодня не выдержала – запустила ее в угол.

Претензий к мускулам своей половины я не имею и не придумаю, даже если захочу придраться. Все дело в излишней ответственности, которая овладела моим мужем после нескольких наших совместных вылазок.

Будучи верна своему слову, данному под воздействием внутреннего порыва во время пребывания в стране тизарров, а также соответствуя образу послушной жены, за отсутствие тяги к которому не раз получала словесную выволочку от Зарайны, я исправно разделила с Талейном тяготы целых трех заданий. После чего поняла, что моя сестрица может ругаться сколь угодно долго и виртуозно, но послушной жены из меня никак не получится. И не моя в том вина, как бы смешно и пафосно это ни звучало.

Проблема в Талейне. К сожалению, как только на горизонте начинает маячить малейшая призрачная тень опасности для его любимой жены, мой бесстрашный воин, мудрый правитель и замечательный во всех смыслах муж моментально превращается в наседку, трясущуюся над своим цыпленком в состоянии тихой истерики. Его речь превращается в сплошное «нельзя», а все действия сводятся к одному: закрыть меня грудью и уберечь от всего на свете. В первый раз я не придала этому особого значения, только удивилась с непривычки. Во второй раз искренне разозлилась, но терпела стойко и ругалась сильно, правда про себя. А в третий раз отчетливо поняла, что ни четвертого, ни пятого, ни любого последующего раза не будет.

Несколько дней я честно договаривалась со своей совестью, упорно твердившей, что нарушать данное ранее слово как минимум некрасиво и как максимум нельзя. Не помогло. Стоило только вспомнить заботливость, проявленную моей второй половиной, как все муки совести посылались далеко, надолго и самыми непроходимыми путями, чтобы обратной дороги никогда не нашли.

Затем попыталась поговорить непосредственно с Талейном и объяснить, что давно вышла из того нежного возраста, когда человеку требуется нянька. Муж внимательно выслушал мою вежливую речь и не менее вежливо отрезал, что не желает из-за моей работы становиться вдовцом.

Категоричность голоса четко указывала на невозможность дальнейших обсуждений данной темы, тем не менее я не сдержалась и возразила, что вдовцом он в любом случае останется, даже если будет трястись надо мной всю оставшуюся жизнь. Вот только повинна

в этом будет не моя работа, а банальная старость. Муж скривился, словно хлебнул уксуса, но отвечать не стал, попросту сбежав от меня в портал.

Еще несколько дней я честно молчала и сдерживала язык за зубами, но сейчас вынуждена признать, что терпению моему подошел конец. Разобраться с ситуацией следует заранее, иначе при появлении нового клиента придется врать мужу в глаза и искать благовидные предлоги для своего отсутствия, а мне этого делать очень не хочется.

Подавив тоскливый вздох, я встала с кровати и подошла к окну. Прижалась лбом к нагретому солнцем стеклу.

Осень уже в полной мере заявила о своих правах, щедро разукрасив сад насыщенными тонами спокойного желтого, сочного багряного и яркого рыжего цветов. Кое-где еще проглядывали остатки зелени, уже тусклой, лишенной своей летней сочности и свежести. Но, вопреки сезону, утреннее небо было ярко-голубым, без малейшего облачка – день обещал быть не по-осеннему теплым. В центре небольшой лужайки перед дворцом тренировался Талейн. Меч в его руках мелькал подобно молнии, ловя на лезвие солнечные всполохи. А на краю лужайки, сжимая в руке деревянный меч, с восторгом и нетерпением подпрыгивал Салем. Отец понемногу тренировал и его, но настоящее оружие еще не доверял, справедливо считая это преждевременным делом. Рядом с сыном подпрыгивали встревоженные няньки, опасаясь, как бы резвое чадушко не помчалось к отцу, вопреки запрету не дождавшись конца тренировки.

Судя по всему, мои мужчины будут заняты еще пару часов, не меньше. Может, успею до завтрака оседлать Карата и промчаться по лугам наперегонки с ветром?

Идея весьма хороша, потому что из-за того, что я слишком часто пользуюсь порталами для перемещения, конь несколько застоялся в стойле. Периодически катает ребятню и, похоже, доволен, но неспешный шаг по просторному княжескому двору не заменит быстрого галопа, когда ветер порывисто хлещет ноздри, принося с собой упоительные запахи леса. К тому же в лесу конь сможет поглодать древесину без ущерба для нервов нашего конюха. За все прошедшее время он так и не избавился от этой привычки и даже вошел во вкус. Любимейшее лакомство черногривого – береза. Рядом с кормушкой, полной овса, всегда стоит внушительное полено. Конюх честно его приносит взамен съеденного, но смотреть на сам процесс поедания без содрогания не может. Не едят, понимаете, лошади дерево, и точка!

Мы, конечно, понимаем, вот только Карату наше понимание до высокой звезды. И, похоже, животное нарочно доводит бедного работника – стоит тому появиться в поле зрения, как конь моментально тянется к бревну и начинает его со вкусом обгладывать, смачно похрустывая древесиной. Лицо несчастного конюха в эти моменты напоминает вареного рака – ярко-красное, с выпученными от невероятности происходящего глазами.

На мой взгляд, мог бы уже давно привыкнуть и не удивляться столь явно. Впрочем, на его трудоспособность это не влияет, и ладно.

Далее традиционно последует завтрак в кругу семьи, где я по обычаю буду посвящена во все подробности новых успехов сына, а после нужно будет наведаться на кухню и дать необходимые распоряжения к ужину. Сегодня ко мне в гости пожалует сестра. Не в роли второго лица соседствующего княжества, а просто так, по-родственному – посплетничать за бокалом вина с сыром и фруктами. Кажется, я уже сообщала повару, что предпочитаемое Зарайной красное арнавское из терпких сортов иссиня-черного винограда хранится в дубовых бочках вдоль дальней стены винного погреба.

– Любуешься?

Я вздрогнула и обернулась. Дверь в комнату была приоткрыта, а в центре кровати уже чинно восседал Тимошка, щуря золотые глаза.

Приветливо улыбнувшись, я отошла от окна, вновь шлепнулась на кровать, играючи повалила кота на спину и зарылась лицом в пушистый живот.

– Щекотно! – завопил зверь, отпихиваясь от меня всеми лапами сразу. – Пусти, а то шерсть помнешь!

– Потом лично расчешу, – великодушно заявила я.

– Ну уж нет! – Извернувшись, он выскользнул из рук и ретировался на другую половину кровати, где обычно спал Талейн, сочтя это расстояние вполне безопасным от моих посягательств. – Хватит с меня твоих гребней! И так в прошлый раз от ароматических бальзамов для волос целый час чихал. Каждый зубец ими пропитан! И вообще, – золотые глаза лукаво прищурились, – у меня для тебя новости…

Повисла многозначительная пауза.

Я азартно навострила уши:

– Крынка молока?

– Мало!

– Мм… сметаны?

– К молоку? Неплохо.

– Курочка?

– Две! Ну… – Лохматый вымогатель вальяжно махнул лапой. – Так и быть, договорились. Сегодня вечером в десять, на обычном месте. – Соскочив с кровати, кот мягко пошел к двери. На пороге обернулся. – Но учти, если не увижу в меню ужина всего тобой обещанного, пожалуюсь Талейну!

Мной обещанного? Да меня нагло обвели вокруг пальца!

Я показала вдогонку кулак, но пушистого прохвоста уже и след простыл. Знаю – ничего не расскажет, просто шалит по доброте душевной.

Несмотря на переезд из Лиода, мои клиенты исправно находят дорогу в трактир, а Тимошка – уж не знаю, какими средствами и связями пользуется, – все так же исправно приносит мне вести. Лучше так, нежели устраивать подобную «точку свиданий» здесь, в Райлене. Сразу ненужные слухи пойдут, что Лиса сменила место жительства. Постараются выследить. Это ни к чему. Здесь я – одно из первых лиц города. И соперница, даже в моем собственном лице, мне не нужна. Там же все устроено, проверено временем и работает без проблем.

Одного жаль: посиделки с Зарайной придется свести к минимальному времени и выпить вина не больше бокала. На встрече с заказчиком голова должна быть трезвой, а мысли ясными.

Плотней запахнувшись в пеньюар, я перешла в гардеробную, воспользовавшись порталом, и, распахнув ближайший из шкафов, окинула задумчивым взглядом ворох нарядов. Среди нежных пастельных тонов роскошных княжеских платьев не нашлось ничего, что привлекло бы мое внимание. В данный момент настроение требовало активного времяпрепровождения, поэтому, закрыв створку, я перешла к следующему шкафу, хранившему в своих недрах костюмы для верховой езды, как мои, так и мужа. Вытащив на свет вешалку с темно-вишневым брючным комплектом, ретировалась обратно в спальню. Переодевшись за ширмой, убрала пеньюар в шкаф и, закрыв створку, удовлетворенно посмотрела на свое отражение в зеркале.

Неожиданно за спиной что-то грохнуло. Подскочив от испуга, я обернулась, ощетинившись пульсарами, готовая ко всему, даже к иномирному вторжению.

От мощного удара дверь комнаты впечаталась в стену, а под потолок взмыла взъерошенная яркая птица, удерживая в лапах странный, угрожающе потрескивающий шар цыплячьего цвета.

– Бер-регись! – гаркнул Тиам, роняя шар на кровать.

В следующий момент бабахнуло. Красно-зеленый комок перьев швырнуло мне в лицо, удар клювом по лбу подарил незабываемые ощущения. Спина встретилась с дверцей шкафа и сроднилась с нею, став единым целым.

– Убью! – мрачно пообещала я, с трудом отлепившись от шкафа и выплюнув перья изо рта.

– Берегите попугая! Это птица дорогая! – нервно сообщил Тиам, взлетая под потолок на безопасную высоту.

– Значит, отправлю в курятник! – не прониклась я заявленной ценностью птички.

Бывший демон наградил меня укоризненным взглядом с люстры. Но, не углядев и тени сочувствия на моем лице, уныло повесил голову. Я же сосредоточилась на ссадине, полученной при столкновении с птичьим клювом, унимая боль. Попутно рассматривала устроенный в комнате бардак.

В воздухе кружились перья из подушек, развороченная взрывом кровать радовала глаз обугленной дырой, шкаф после столкновения с моей спиной ощетинился щепками, и все вокруг было усыпано непонятным желтым порошком. Похоже, плакала моя верховая прогулка.

– Что это? – Я не поленилась испачкать палец порошком, принюхалась и с опаской лизнула.

– Если бы эта концентрированная пыльца сработала как надо, никаких люстр вам больше не понадобилось бы! – обиженно возвестил попугай. – Она распылилась бы и устойчиво держалась в воздухе несколько дней кряду!

Пыльца? Я устало вздохнула. Хорошо не что-нибудь ядовитое. Интересно, а как бы мы дышали этой пыльцой? Или как сумели бы погасить ее на ночь? Уверена, что о неудобствах, связанных с его изобретением, демон даже не подумал… Пыльца?! Ощутив в груди непонятную тревогу, я вкрадчиво уточнила:

– А где ты взял пыльцу?

– В саду, – гордо заявил Тиам. – Там как раз цветов много было.

Было? Я едва не застонала от досады – вот и все, плакали мои хризантемы! Впрочем, как обычно: если у птички зачесались крылья что-нибудь смастерить – прячьтесь подальше.

Дело в том, что, оказавшись в этом мире, Тиам с безмерным любопытством и рвением принялся его изучать. Поначалу он подолгу пропадал за пределами дворца, рассматривая город и засовывая свой внушительный клюв во всевозможные щели. Потом уличные пейзажи ему наскучили, и он переключил свое внимание на дворец. И ладно бы, если просто рассматривал. Но он упорно пытался изменить все, что его по тем или иным причинам не устраивало.

Надоели многочисленные стекла в окнах, куда периодически врезался с непривычки – убрал, а чтобы не было потери тепла, пустил вдоль проемов теплые воздушные потоки. В итоге нас всех чуть не выдуло из дворца через эти самые окна – экспериментатор что-то напутал, преобразовав воздух в затягивающие воронки.

Дальше ему помешали двери, и Талейну пришлось применить свои знания и умения в магии, чтобы растворить прозрачные заслоны, вмиг затянувшие опустевшие дверные проемы. А несколько дней назад попугай пожаловался в очередной раз. Теперь на наличие люстр – мол, свисают, мешают летать. Мы информацию должным образом не восприняли, итог – сегодняшний взрыв. Поменяв сущность, он сумел сохранить свои способности к магии, но, похоже, и они претерпели изменения, причем далеко не в лучшую сторону. Лично я с внутренним содроганием жду дальнейших претензий и грядущих за ними перемен. Вроде пока ничего критичного не произошло, мы успешно восстанавливаем все магические казусы новоявленного питомца, но кто знает, что за идеи придут в эту разноцветную голову позже.

В общем, обещание переселения в курятник звучит довольно часто, разница только в тоне, которым оно произносится. Сегодня угрожающих нот настолько прибавилось, что я сама себе поверила. А как иначе, если этот пернатый поганец сейчас улетит в детскую, а наводить порядок после его экспериментов придется мне.

– Случилось что, ваше… – На пороге возникла служанка. Запнулась на полуслове, да так и осталась стоять, молча хватая воздух ртом, словно рыба на берегу.

– Не волнуйся, Эмми, никто не пострадал!

Я досадливо поморщилась. Теперь о происшествии узнает весь дворец. Талейн наверняка разволнуется и вечером будет бдительней обычного. А это означает, что я не смогу уйти незамеченной и придется отпрашиваться. Подумать только, у собственного мужа! А потом еще и брать его с собой на задание.

– Ступай-ступай! – замахала я руками на служанку, стремясь поскорее избавиться от истукана в ее лице. – Сама здесь разберусь.

Девушка послушно исчезла, порадовав меня напоследок гримасой недоверия. Я показала попугаю кулак.

– Пожалуй, мне пора! – Тиам снялся с люстры и быстро ретировался с глаз долой.

Ну вот, все как всегда!

Вздохнув, я закрыла глаза и сосредоточилась. Воздух подернулся рябью, по коже прошелся легкий ветерок. Несколько минут спустя я критически оглядела результаты труда: главное, чтобы в нужный момент кровать под нами не расползлась, явив на обозрение дыру. Впрочем, разглядеть мы ее не успеем – провалимся. Зато прочувствуем основательно, причем самой правильной из всех частей тела. Впрочем, сейчас комната выглядит как надо, а после разберемся. Проблемы нужно решать по мере их поступления.

Вычистив напоследок свой костюм от пыльцы, я заплела волосы в косу и вышла из комнаты.

Осенний воздух встретил меня теплом, свежестью и мерным перестукиванием деревянных мечей. Мои мужчины тренировались, не замечая ничего и никого вокруг. Не будучи в силах отказать себе в удовольствии, я несколько минут за ними наблюдала. Талейн держался спокойно, даже расслабленно, но при этом был предельно внимателен. Салем же сосредоточенно хмурил лоб, двигался отрывисто, нервничал, но не пропускал ни одного выпада отцовского меча. Не желая отвлекать на себя их внимание, я направилась в сторону конюшни, по дороге размышляя над тем, не послать ли к чертям свою работу и не родить ли второго ребенка. Девочку. Для себя.

До ушей донеслось конское ржание – как обычно, по утрам Карат приветствовал меня издалека.

Внутренний же голос не преминул сообщить, что даже при всех моих магических умениях детей нужно ждать девять месяцев, не меньше, а Талейн сейчас занят, так что идею следует отодвинуть хотя бы до того момента, когда он освободится. Убедил, что и говорить.

В конюшне было светло и тепло, вкусно пахло свежим сеном. Бодрый конюх деловито рассыпал по кормушкам овес. В стойле Карата красовалось новое полено, но сейчас конь его не трогал. Вопросительно скосив лиловый глаз, наблюдал за моим приближением.

– Здравствуй, мой красавец! – Я вошла в стойло и протянула сахар.

Теплые губы мягко прикоснулись к ладони, принимая угощение. Послышался хруст. Я запустила пальцы в шелковистую гриву, любуясь ее роскошным иссиня-черным цветом, погладила коня по длинной шее, удовлетворенно отмечая ее лощеную бархатистость – несмотря на непонимание или даже боязнь странных вкусовых предпочтений лошадки, конюх от своих обязанностей не отлынивал и регулярно чистил и расчесывал моего любимца. Сняла со стены седло и закрепила его на угольно-черной спине.

Во время моих манипуляций конь стоял неподвижно, но я едва закончила, как он без понуканий покинул стойло и направился к выходу из конюшни. Я пошла за ним, попутно наделяя сахаром других лошадей, потянувшихся ко мне за угощением.

На улице ласточкой взлетела в седло и слегка сжала упругие бока. Конь понятливо взял с места в галоп, стрелой промчался в ворота, которые едва успели раскрыть стражники, и спустя короткое время мы были далеко за городом.

Ветер приветственно хлестал в лицо еще теплым, но упругим потоком, окутывая упоительным ароматом осеннего разнотравья с легким привкусом прелой листвы и утренней влаги. От быстрого бега деревья и кустарники проносились мимо с высокой скоростью, слившись в единое цветное пятно. Глухой дробный перестук копыт заставлял смолкать птичий гомон, испуганно порскать врассыпную полевок и прочую мелкую живность, водившуюся в высокой траве.

Чуть наклонившись вперед, я дышала всей грудью, чувствуя, как внутри разливается горячее чувство восторга. Довольно быстро оно затопило меня полностью, накрыло с головой, заставив выпустить поводья и уткнуться лицом в развевающуюся гриву.

Конь тут же перешел на плавный аллюр, позволяя мне передохнуть и прийти в себя. Я благодарно потрепала его по шее и выпрямилась в седле. Мгновение спустя в воздухе перед нами повисло марево портала. Я направила любимца прямо в серебристый туман.

Неподвижная гладь хорошо знакомого лесного озера была щедро покрыта разноцветным ковром опавших листьев. Небольшую поляну плотно обступали деревья, закрывая лесное зеркало от проказливого ветра, не давая ему тревожить ровную поверхность рябью. Стояла тишина, лишь высоко над головой иногда пересвистывались птицы.

Я отпустила Карата пастись, а сама села на берегу и уставилась задумчивым взглядом на водную гладь, ожидая появления подруги. Время шло, но русалка не спешила радовать меня своим появлением. Решив, что сегодня она вовсе не появится, я поднялась с травы и наконец услышала тихий всплеск.

– Алиена не придет, у нее мужчина, – виноватым тоном сообщила незнакомая русалка, вынырнув у самого берега, и с любопытством уставилась на меня. – Поиграешь со мной вместо нее?

Я, в свою очередь, виновато посмотрела на девушку и нарочно повела плечами:

– Прохладно, в воду не пойду. Извини! Может, в другой раз?

Отвернувшись, зашагала прочь от озера к деревьям, под которыми пасся Карат. Если Алиену я знала давно, еще при ее жизни на земле, то причин доверять этой незнакомой русалке у меня не было никаких. Еще утащит под воду забавы ради, даже несмотря на то, что я не мужчина.

Обрывая мои мрачные мысли, вдогонку полетело обиженное: «Постой!» Устыдившись, я обернулась.

Русалка стояла в траве всего в двух шагах от меня. Стройное обнаженное тело, тонкое и бледное, открыто просвечивало сквозь мокрую прозрачную ткань; хвост, как это положено на суше, претерпел необходимые изменения: босые ноги с крохотными ступнями зябко переступали по траве; широко распахнутые прозрачно-голубые глаза смотрели жалобно и трогательно.

– Я так замерзла! – певуче пожаловалась русалка, приблизившись, и вдруг прильнула ко мне с неожиданной силой. – Согрей!

В звонком голосе колючими иглами зазвучали властные ноты, глаза призывно распахнулись, и я ощутила, что стремительно проваливаюсь в них, словно в бездонный омут. Время замерло, внезапно прекратив свой бег, зазвенело струнами моих натянутых нервов. В душе шевельнулся запоздалый страх. Превозмогая гипноз, я забилась, пытаясь вырваться из стальных объятий.

– Хорошая, славная! – нежно заворковала русалка, убаюкивая мою панику. – Милая моя девочка, хочешь пойти со мной?

«Хочу!» – предавая разум, согласно откликнулось внутри мое сознание.

Губы сами собой приоткрылись, чтобы произнести страшное слово вслух, после которого уже не будет возврата вспять, но не успели. Русалка вдруг рассмеялась и резко толкнула меня в грудь. Не удержавшись на ногах, я упала, подняв тучу брызг, вмиг намочив одежду и волосы. Взвизгнув, вскочила на ноги и похолодела от страха, осознав, что нахожусь по колено в воде.

Хитрая нежить мало того что привела меня обратно к берегу, но даже заставила незаметно войти в озеро! Хотя почему заставила? Я сама пошла за ней, и, не прекрати она вовремя свою игру, было бы сейчас в озере одной русалкой больше. Интересно, Алиена разозлилась бы или обрадовалась такому повороту событий? И почему не пришла на помощь? Чувствовала, что до беды не дойдет? Впрочем, зачем ей помнить обо мне во время любовных игр…

На смену страху пришла злость. С трудом сдерживаясь от грубостей, я молча вышла на берег. Оказавшись на суше, шепнула заклинание. От мокрой одежды пошел густой пар, сразу почувствовалось тепло.

– Ты похожа на кипящий самовар! – усмехнулась русалка мне в спину. – На себя обижайся.

Я обернулась, чтобы возразить наглой нежити в грубой форме, но поверхность озера оказалась пустой и неподвижной. К моей досаде, русалка исчезла.

– Поганка бледная! – все же огрызнулась я вдогонку и, кликнув коня, открыла портал.

Поставив Карата в стойло и скормив ему последний кусок сахара, покинула конюшню.

Едва я успела выйти, как навстречу уже спешил Салем, оглашая воздух радостным криком:

– Мама! Мама! Я умею вот так! – Сын нанес несколько рубящих ударов по воображаемому противнику, шустро повернулся вокруг своей оси, повторил маневр и поднял ко мне сияющую мордашку. – А ты когда будешь меня учить?

– Чуть позже, дорогой! – Я ласково взъерошила светлую макушку. В душе шевельнулось сожаление. Разумеется, по книгам можно выучить несколько ритуалов и заговоров, но без природного дара они будут иметь весьма посредственную силу и достаточно узкую область применения. Будет обидно, если природа окажется столь несправедлива, что обделит сына двух магов.

– Составишь нам компанию за завтраком? – Талейн в насквозь пропитанной по́том рубахе ограничился поцелуем в щеку. – Или у тебя есть другие важные дела?

– Абсолютно никаких. – Я вернула мужу поцелуй и теперь наблюдала за тем, как сын, заливисто хохоча, улепетывает от грузной няньки, вознамерившейся отобрать у него меч. – Только сначала переоденемся.

– Да, дорогая. Иначе при взгляде на меня от нас сбежит вся прислуга.

Я окинула Талейна быстрым взглядом. Мокрая рубашка мало того что расстегнута на груди, но еще и плотно прилипла к телу, четко обрисовывая рельефные мускулы. Нет, прислуга не сбежит, а, наоборот, сбежится. По крайней мере женская ее часть.

Сочувствуя няньке, у которой быстро началась одышка, муж тихо шепнул несколько слов. Салем застыл на месте, словно уперся в преграду. В итоге меч был отобран, и нянька с чувством выполненного долга уносила его в одной руке, а второй заботливо придерживала перекинутого через широкое плечо мальчугана, звонко вопившего:

– Так не честна-а-а!

Глава 2

Все идет как всегда,
Жизнь течет, как обычно,
Как сквозь пальцы вода.
И тебе безразлично,
Что готовит Судьба,
Где прервется дорога.
Вновь порыв и борьба
Прочь влекут от порога.

Вечер, как и утро, выдался не по-осеннему теплым. Критически оглядев накрытый стол в садовой беседке – фрукты, вино и легкие закуски, – я присела в ожидании на обитую мягкой кожей скамью. Сквозь зелень, увивавшую пышным живым ковром ажурные стены, пробилась короткая вспышка, словно кто-то на мгновение осветил беседку факелом. Тут же послышался шорох платья по траве, и несколько мгновений спустя ко мне присоединилась Зарайна.

Нет, в моей сестре не проснулся магический дар. Это Дейн привычно помог жене, сокращая расстояние между двумя дворцами.

– Привет, сестренка! – Она обняла меня, окутав ароматом любимых розовых духов, и поставила на стол укрытое полотенцем блюдо, распространявшее стойкий клубничный аромат. – Оцени! Это первый кулинарный шедевр Дарины. Разумеется, готовила она его при моем активном участии. И если не обращать внимания на внешний вид, на вкус очень даже ничего!

– Обязательно попробуем! – заверила я ее, с любопытством приподнимая полотенце. Доставшаяся нам половина пирога выглядела словно горная гряда: местами выше, местами ниже, кое-где красовались лужицы варенья и кособокие вершины из слегка подгоревшего теста. – Выглядит забавно! И пахнет просто замечательно!

– По заверениям дочки, это замок, в котором живут феи, – улыбнувшись, уточнила сестра.

– Скорее уж гномы, – в свою очередь улыбнулась я, возвращая на место полотенце и беря в руки откупоренную заранее бутылку. – Твоего любимого арнавского?

– Да, с удовольствием!

Рубиново-красная жидкость медленно полилась в бокалы.

Время пролетело незаметно. Мы успели поделиться новостями, перемыть косточки мужьям, порадоваться успехам детей, затронуть милые женские темы нарядов и украшений, а также опустошить бутылку.

– К сожалению, мне пора! – Я расслабленно потянулась и, обняв сестру, поинтересовалась: – Открыть тебе портал?

– А ты не будешь против, если я задержусь? – Зарайна состроила обезоруживающе просительную рожицу. – Хочу взять с собой еще бутылку этой вкуснятины! Разрешаешь?

– Ну конечно! В чем вопрос! Обратись к повару, он знает, где хранится твоя вкуснятина. А потом попроси Талейна открыть тебе портал. Хорошо? – Я поцеловала сестру в щеку, поднялась со скамьи и прощально махнула рукой.: – Удачи, дорогая!

– И тебе, сестренка!

Наскоро переодевшись в своей комнате, я выпила антихмельной эликсир и отправилась на встречу.

Портал послушно привел в темный переулок Лиода, расположенный рядом с трактиром. Десять часов – время пограничное, когда законопослушные граждане готовятся после постельных утех отойти ко сну, а всякие личности, занимающиеся пьянством, промышляющие разбоем, только появляются из своих нор, в которых отсиживались днем. В общем, народу было много. Как возле трактира, так и внутри. Зал был полон. Лишь мой привычный столик в дальнем углу с тускло горящим свечным огарком, пустовал.

Аккуратно лавируя между посетителями, я приблизилась и опустилась на щербатую лавку. Мой заказчик опаздывал. Такое иногда случалось. Ничего страшного, я не гордая, могу подождать. Сейчас, как обычно, появится фигура в плаще. Как обычно, собеседник будет безлик. Как обычно, очередные чужие проблемы свалятся на мою голову. И, как обычно, мне это понравится.

Время шло. Огарок свечи почти догорел. Я задумчиво рассматривала людей в зале, не выпуская из внимания входную дверь, и каждый раз сдерживала вздох облегчения, когда она открывалась, пропуская очередного посетителя. Увы, моего клиента не было. Свеча мигнула напоследок и с тихим шипением погасла. Решив, что ждала достаточно, я поднялась, пересекла быстрым шагом зал и вышла на улицу.

Бархатная темнота ласково приняла меня в свои объятия, окутав запахами дождя и прелых листьев. С удовольствием вдохнув полной грудью после прокуренного амбре трактира, я привычно направилась к ближайшей подворотне, раздумывая над тем, что сегодня смогу сказать мужу чистую правду: заказ не получен, потому что клиент не пришел на встречу. Подобное крайне редко, но случалось, так что ничего необычного в этом нет.

Подворотня порадовала отсутствием в своих недрах подозрительных личностей, но открыть портал не удалось. Едва я приготовилась, как за спиной послышались быстрые шаги и раздался взволнованный возглас:

– Постойте! Подождите!

Обернувшись, я узрела невысокую фигуру в плаще и капюшоне, торопливо идущую в моем направлении. Огорченно вздохнула – похоже, врать Талейну все-таки придется.

– Простите! – Мужчина приблизился. – Неожиданные проблемы задержали.

– Бывает – миролюбиво согласилась я, прислушиваясь к голосу. Похоже, мой заказчик молод. – Чем могу помочь?

– Э-э-э… – Собеседник замялся. Видимо, его несколько смущало место встречи, но, во-первых, сам виноват, что задержался, а во-вторых, возвращаться в душный прокуренный зал после пряного осеннего воздуха мне уже категорически не хотелось. – У меня украли кольцо. Серебряный перстень. Ничего необычного, просто семейная драгоценность, переходящая по наследству. В нем даже драгоценного камня нет. Насколько я успел выяснить, сейчас он находится в соседнем городе, в доме известного коллекционера. Эти люди, как вы понимаете, несколько зациклены на своих э-э-э… увлечениях, поэтому просить о возврате по-хорошему не имеет смысла. А выкупать и так по праву принадлежащую мне вещь странно и, я бы сказал, возмутительно. Тем более, он все равно не согласится. Будьте добры, помогите! Разумеется, я заплачу вам за работу.

Я недовольно засопела. Фамильный перстень… Банально и скучно. С другой стороны, любопытно взглянуть на коллекцию. Если она велика, вдруг смогу найти что-нибудь занятное! Потом можно будет договориться с ювелиром и изготовить по зарисовкам понравившуюся вещь.

– Вы лично знакомы с коллекционером?

– Нет! – Мужчина энергично затряс головой. – Подозреваю, что мое кольцо попало к нему в руки окольными путями. Поэтому прошу, не убивайте его. Он ни в чем не виноват. К тому же в своем городе это весьма влиятельный человек.

– Обычно я работаю без жертв. – Я находилась в некотором недоумении. Перед тем как связаться со мной, он должен был навести справки. Неужели ему не рассказали о методах моей работы?

– Тем лучше, – сказал незнакомец. – Итак?

– Принимаю заказ, – согласно кивнула я. – Мне нужны адрес коллекционера, описание кольца и адрес, куда потом доставить заказ.

– Вот! – Рука незнакомца нырнула в складки плаща. В темноте появился небольшой белый прямоугольник – лист бумаги. – Здесь все, что нужно. Сколько я должен в счет аванса? – Во второй руке появился кошель из мягкого, слегка потертого бархата.

Я отрицательно качнула головой:

– После рассчитаемся.

Обычно я брала предварительно часть оплаты, но лишь в том случае, если за заказом приходилось отправляться за тридевять земель. В данном же случае понятие «соседний город» не подразумевает дальнюю прогулку. Да и денежный вопрос с некоторых пор перестал меня беспокоить. Собственно, если все пройдет гладко и быстро, я вовсе не стану брать денег с парня. Судя по всему, он небогат, а я отлично помню те времена, когда была вынуждена считать каждую копейку.

– Благодарю!

Коротко поклонившись, незнакомец ушел так же быстро, как и появился.

Я, как и собиралась, нырнула в портал. Но направилась не в спальню, а в свою комнату на нижнем этаже.

Нежно-бежевый пеньюар, сиротливо дожидавшийся меня на спинке кресла, казался чужеродным ажурным пятном в небольшом помещении, заваленном книгами, свитками, оружием, амулетами и прочими рабочими атрибутами. Наскоро переодевшись, я расчесала волосы, сбрызнула их розовой водой, избавляясь от табачного запаха трактира, затем устроилась в кресле и развернула лист, переданный мне заказчиком.

Беглый просмотр рукописных кривоватых строчек заставил меня сдавленно выругаться. Похоже, в связи с молодостью у моего клиента серьезные проблемы с ориентированием на местности! Город, обозначенный в качестве адреса коллекционера, мало того что не является ни ближним, ни средним, ни даже дальним соседом Райлена, но вообще относится к владениям другого княжества! Пусть и соседствующего с нашим. И это расстояние было обозначено незнакомцем – я лениво пробежала глазами лист до конца… ага, зовут его Кьяр, – как «соседний город»! Да между нами расстояние в пятнадцать дней конного пути!

От моего незамедлительного отказа и вполне праведного гнева незадачливого нанимателя спас тот факт, что достаточно давно, еще в подростковом возрасте, в самом начале своей воровской карьеры я наведывалась туда пару раз. А для портала любые расстояния нипочем.

Ну и еще, как ни прискорбно, меня остановил факт собственного легкомыслия: сначала нужно маршрут уточнять и лишь затем предаваться романтическим мечтам о драгоценных безделушках, коих и так немыслимое множество. Благодаря моей работе большая часть пылится в сундуках, будучи извлекаемой на свет исключительно на время приемов и праздников. А ходить по крышам, залезать в чужие дома и попадать в прочие несветские места будучи увешанной драгоценностями глупо и непрактично. На остальное, так называемое «домашнее время», есть пара дежурных комплектов, которые я надеваю в угоду Талейну.

Что ж… Я мрачно посопела и решительно выдохнула. Пусть не близко, но все равно быстро. К тому же парень вызвал во мне сочувствие. Неловко обижать его отказом. Значит, можно, не ставя в известность Талейна, спокойно разобраться в деле самой. Кстати, как раз завтра у мужа намечается очередное заседание Совета со старейшинами, которое, по обычаю, затянется далеко за полночь. Моя задача – уложиться в это время.

Кстати, насчет адреса… Коллекционер действительно очень известный – первый советник его величества князя Наримана, правителя Виллара, собственной персоной. И это его меня просили не убивать? Я что, враг самой себе? Убить этого человека – все равно что посягнуть на жизнь самого князя! Грозит как минимум холодной враждой или как максимум – войной между княжествами.

В описании кольца присутствовало лаконичное пояснение: «Серебряное, в деревянной шкатулке с розой». Я снова вздохнула. А что, если серебряных перстней у коллекционера целая дюжина? И где гарантия, что кольцо не вынули из шкатулки? И вообще, маловато както информации. Благо хоть адрес проживания заказчика присутствует, но довольно оригинальный: Тупиковый переулок. Смех смехом, но такой в Райлене действительно существует. На окраине. Если наберется много вопросов, придется проведать плательщика до выполнения заказа, с целью уточнения деталей. Впрочем, одна деталь мне все же известна: в перстне нет драгоценного камня.

Часы мягко пробили полночь, вырвав меня из раздумий. Пора возвращаться, пока у моей половины не возникло ко мне неудобных вопросов.

Спрятав лист в карман костюма, я быстро ретировалась в спальню. Пусть все проблемы подождут до утра!

– Новое задание? – поинтересовался Талейн, обернувшись в тот момент, когда я, обрадовавшись, что муж мирно почивает в мое отсутствие, осторожно скользнула под одеяло.

– Сорвалось, – мрачно ответила я, навесив на лицо самое скорбное выражение. – Клиент не пришел.

– Бывает! – Муж легко купился на неподдельную злость в голосе. Обнял меня, прижал к себе и зарылся лицом в волосы. – Не грусти, следующий скоро найдется. Только меня не забудь позвать.

– Не забуду! – шепнула я, скрещивая в темноте пальцы.

Проснувшийся не вовремя внутренний голос слабо забормотал что-то на тему «жена да убоится мужа» и «все тайное становится явным», но я послала его к черту и припала к губам Талейна жадным поцелуем, чувствуя, как щеки заливает краской смущения. Несмотря ни на что, лицемерие не мой конек.

Весь следующий день я была как на иголках, а с наступлением вечера уложила сына спать, проводила мужа на Совет и с чувством выполненного долга отправилась в свою комнату. Быстро переоделась, прихватила несколько амулетов и переместилась в Виллар. Следует проверить обстановку. Быть может, мне повезет и поиск кольца не займет много времени.

Нужный мне дом, несмотря на высокое положение жильца, оказался на самой окраине. Следуя указаниям усердного заказчика, забывшего дать подробное описание кольца, но не поленившегося, помимо подробного чертежа дома, расписать еще и путь к нему со всеми улочками, закоулочками, поворотами и приметами, я недолго блуждала по городу. И теперь стояла в тени раскидистого дерева, рассматривая странного вида здание, расположенное на другой стороне улицы.

В голове надоедливо билась единственная мысль:

«Излишне мрачно выглядит!»

Действительно Виллар ничуть не был похож на жизнерадостный Райлен. Одинаково серые в ночном полумраке дома казались больными, покосившимися, припадающими набок, словно страдающие от радикулита старики. Редкие фонари, едва рассеивавшие темноту пятнами тускло-желтого света, всеобщую картину ничуть не спасали. Из-за отсутствия прохожих в столь поздний час в голову лезли самые разнообразные страшилки. Но дом, в который мне предстояло войти, сумел превзойти всех ранее увиденных собратьев.

Во-первых, стоял прямо, во-вторых, выглядел добротно, а в-третьих, был полностью черного цвета. Возможно, стены выкрасили в траур уже по окончании строительства, а может, камни изначально имели природный угольно-черный цвет, но фантазия хозяина этим не ограничилась. Особнячок равнодушно взирал на улицу матово-черными стеклами, а кованые ограды небольших балконов на трех этажах увивал ковер весьма редкого черного плюща. Выглядело излишне мрачно. Не спасала даже густая поросль невысоких кустов, высаженных по обеим сторонам от входа и служивших своеобразной изгородью.

«Если возникнут сложности, ухожу через портал и беру в подмогу Талейна!» – наконец решилась я, и, развернув руки ладонями вперед, сосредоточилась, прощупывая на расстоянии ауру непонятного жилища.

Честно говоря, заведомо настроилась на всевозможные неприятности, начиная от черного колдовства служителей Запретных богов и прочей бесовщины, заканчивая упырями и вервольфами. Но к моему безмерному удивлению, не оказалось ничего. Ни-че-го! Кроме простенького охранного заклинания на соответственно черной, словно могильная плита, двери. Похоже, хозяин решил не заморачиваться на магии, полностью положившись на внешний антураж. Собственно, почему бы и нет, если даже у меня, повидавшей многое, вид особняка поначалу вызвал оторопь.

Отряхнув руки, я пошла вверх по улице, целенаправленно держась в тени. Несмотря на безопасность, направляться к дому напрямик не следовало, лучше обойти по широкой дуге во избежание неприятностей.

Приблизившись к дому, я с удивлением принюхалась, уловив в воздухе слабый пряный аромат охорон-травы. Интересно, почему явно не бедный княжеский советник-коллекционер предпочитает народные средства магическим? Первые, бесспорно, дешевле, зато вторые надежней. Пучок травы хоть и действует наверняка, но всего один раз. А заклинания, даже не самого сильного, на полгода хватит.

Потом, конечно, придется обновлять, и, разумеется, снова за деньги. Но лучше так, чем ежедневно проверять наличие травы в неприметной щелке: не промокла ли, не растащили ли птицы и насекомые. Морока одна. Правда, если кто сунется в дом, от незадачливого грабителя только пепел останется. Но лишь при соблюдении нескольких условий.

Во-первых, воришка должен попытаться проникнуть в дом через крыльцо, над которым создала защитную завесу коварная травка. Если же пожелает влезть через окно, вряд ли его и там будет поджидать подобный сюрприз. Хотя кто знает – может, шутки ради, хозяин дома напихал травы во все щели, не исключая даже крышу.

Во-вторых, вор должен быть один. Если придет с подельником и тот замешкается, опаляющая мощь защитного поля достанется первому, а второй сможет беспрепятственно войти в дом, как только оправится от шока. И ничто его уже не остановит, если только не сам хозяин, оказавшийся дома в нужный момент. В общем, как ни крути, а все равно морока.

К тому же травка хоть и безопасна для тех, чей дом охраняет, но, прежде чем повесить ее в укромное место над входом, нужно дать подержать в руках всем домочадцам.

Впрочем, способ не исключает случаев ошибок. Промокнув под дождем или снегом, которые вездесущий ветер порой умудряется доставлять в самые неожиданные уголки и щели, травка начинает чудить. Защитное поле принимает своих за чужих, и жизнь бедняг в прямом смысле слова заканчивается.

Еще к минусам нужно отнести запах, который распространяет охорон-трава. Разумеется, непосвященный человек не обратит внимания на слабую пряную нотку в изобилии ароматов, витающих в воздухе. А вот мало-мальски сведущий в подобных вопросах сразу поймет, что к чему. Как раз мой случай.

Брезгливо сморщив нос на подобную кустарщину, я не стала приближаться к крыльцу. Произнесла усыпляющее заклинание – на случай, если в доме кто-то есть, чтобы не услышал

и не проснулся в процессе моих поисков, и полезла по стене, стремясь добраться до окна второго этажа. К счастью, передвигаться подобным образом меня отлично научили тизарры.

Благоразумно обойдя стороной балкон (в зарослях плюща можно спрятать не только траву, но и дротиковые самострелы с ядом), я медленно, но целеустремленно поднималась по стене, словно паук-переросток, к узкому, свободному от всяких украшений окну. Добравшись, неуверенно дотронулась до стекла. От первого же прикосновения узкая створка подалась вглубь, словно только меня и ждала. В лицо пахнуло теплом и пылью. Уцепившись за раму, я осторожно заглянула внутрь.

Вопреки опасениям, внутри царила тишина и не было заметно никакого движения. Я легко перемахнула через подоконник и сотворила светлячок. Небольшой сгусток серебристо-белого света послушно завис в метре надо мной, прилично освещая пространство на несколько метров вокруг.

Стеллажи, заваленные книгами, кипами бумаг и какими-то свитками, сундуки внушительных размеров вдоль стен. Некоторые из них открыты и позволяют увидеть покрытое пылью содержимое: очередные кипы бумаг и… более ничего. Похоже на заброшенную библиотеку.

Не найдя ничего интересного, я подошла к выходу. Видимо, хранившиеся в этой комнате бумаги не представляли особой ценности, потому как дверь оказалась незапертой. Пропустив вперед светлячок, вышла, прикрыла дверь. Серебристо-белый сгусток света медленно поплыл в нескольких метрах впереди по коридору, освещая внутреннее убранство дома. К слову, оно оказалось столь же неожиданным, как и внешний облик, но в отличие от фасада изнутри дом не производил столь пугающего впечатления.

Картины, разнообразное оружие – от холодного до огнестрельного. Непонятные маски неведомых божеств. Изящные мраморные статуи, изображавшие незнакомых мне людей и даже чучела животных – все это уместилось в сравнительно неширокомкоридоре. Когда же я дошла до лестницы, ведущей на первый этаж, и свесилась через перила, от открывшегося внизу великолепия попросту перехватило дыхание.

Похоже, если не единственным, то уж точно главным и основным предназначением дома являлась демонстрация собранной коллекции. Мгновенно нашлось объяснение странным матово-черным стеклам окон: если бы стекла были обычными, прозрачными, любители наживы давно растащили бы особняк по камешку. Никакая охорон-трава не остановила бы.

Бледный свет магического светлячка сделал яркий блеск золота отталкивающе-холодным, но не смог скрыть его красоты. Разложенные на многочисленных бархатных подставках-столиках бесчисленные украшения поражали глаз искусной работой и, разумеется, количеством.

«Готов спорить, здесь побрякушек куда больше, чем у тебя!» – съехидничал внутренний голос.

– Зато у меня не ворованные! – не удержавшись от шпильки, вслух возразила я.

А чего опасаться? В доме, если кто и есть, спят сейчас беспробудным сном. Это заклинание меня еще ни разу не подводило.

«Золоту безразлично, воровали его или нет, – ничуть не смутился мой «собеседник». – Важны лишь его красота и вес. Слушай, прихвати себе пару вещиц! Все равно никто не заметит».

Протестующе мотнув головой, я принялась спускаться по лестнице. Где еще искать драгоценный перстень, как не среди драгоценностей? Заодно потешу собственное любопытство, которое в данный момент выплескивается через край. Что поделать – женщина! Полюбоваться на чужое не грех. А насчет «прихватить» – это лишнее. Во-первых, из-за моральных убеждений. А во-вторых, чтобы коллекционер и не заметил пропажи? Руку даю на отсече-

ние, что он помнит не только каждую находящуюся здесь вещь, но и все пылинки, лежащие на этих самых вещах.

Приблизившись к первой подставке, я с интересом изучила лежащее на черном бархате ожерелье: причудливые переплетения тонких золотых нитей образовывали замысловатую вязь, складывающуюся в непонятные иероглифы. При этом магией от украшения не веяло. Насмотревшись, перешла к следующему столику.

Книга в дорогом переплете: тут тебе и золото, и бриллиантовая россыпь камней, и тисненый кожаный шнур в качестве закладки. Трогать сие чудо полагалось в белоснежных шелковых перчатках, которые лежали рядом. Не удержавшись, я совершила святотатство – приоткрыла книгу пальцами. Увы, потрясающий фолиант оказался заморским учением о любви. Причем учением в прямом смысле слова. Пожав плечами, пошла дальше. Никогда не понимала, как возвышенное чувство можно обозвать обычной химической реакцией организма! Хотя картинки забавные, признаю.

Далее дело ограничилось беглым осмотром. В конце концов, золото оно золото и есть, только разной формы. И я сюда пришла по делу, а не глазеть.

Искомая шкатулка обнаружилась в самом конце холла у стены. Плавающий светлячок выхватил ее из темноты в тот момент, когда я, осмотрев практически все, начала ловить себя на мысли, что не найду здесь того, зачем, собственно, пришла. Темное дерево, покрытое лаком, призывно блеснуло в бледном свете. На крышке искусно вырезанный полураспустившийся бутон розы на длинном стебле: цветок словно положили сверху, да так и оставили. Пробежавшись пальцами по шкатулке, я нащупала крохотный выступ у основания бутона. Нажала. Крышка бесшумно поднялась, явив мне ядовито-красный бархат внутренней обивки. Перстня не было.

Глава 3

Когда б я знала, что нас ждет
Там, за ближайшим поворотом,
Что жизнь иначе потечет,
Закружится водоворотом, —
Иные б выбрала пути.
Но предначертано Судьбою
Дорогой горя мне пройти,
Чтоб снова встретиться с тобою.

Несмотря на то что подобный вариант заранее приходил мне в голову, в реальности к такому повороту событий я оказалась не готова. Замерла от неожиданности, а затем отступила на пару шагов от столика, намереваясь прислониться к стене. Внутренний голос в голове выдавал нараспев витиеватую брань, избавляя меня от необходимости выплескивать эмоции вслух. Неожиданно мои ноги запнулись о препятствие. Не удержавшись, я с размаху села на что-то холодное и твердое. Судя по ощущениям, явно не на пол. Повинуясь движению ладони, ко мне послушно подлетел светлячок.

Разглядев, на чем сижу, я подскочила и едва не заорала в голос. Ближайшая подставка с очередным ювелирным шедевром полетела на пол, задетая моим неловким движением. Раздавшийся грохот прозвучал в звенящей тишине оглушительным набатом, взвинтив до предела мои и без того натянутые нервы.

Незнакомый мужчина лежал на полу в странной скрюченной позе, словно неуклюжая изломанная кукла. Судя по окоченению, он был давно и безнадежно мертв. А судя по одежде – домашний халат из черно-белой мягкой ткани и широкие шлепанцы на босые ноги, – передо мной находился хозяин дома собственной персоной. Встречаться ранее лицом к лицу с советником мне не доводилось, но догадаться было несложно. На пальцах, сведенных предсмертной судорогой, поблескивало несколько золотых перстней. Явно дорогих. Серебряного не было.

Колени предательски задрожали. Влипла, что называется, по самую макушку!

Убийство с целью ограбления? Вряд ли, вся коллекция на месте, и, судя по отсутствию отпечатков-ободков на фалангах, с пальцев хозяина не снято ни единого кольца. На теле отсутствует кровь, и внешне нет никаких ран и повреждений. Быть может, хозяин умудрился самостоятельно помереть от сердечного приступа? Иначе чем объяснить столь необычную позу.

Прикасаться вновь к покойнику у меня не было никакого желания – все равно что трогать кусок льда. Поэтому я сосредоточилась и протянула ладони к телу, в надежде найти ответы на свои вопросы на ментальном уровне.

Увы, окоченевший труп не спешил мне помогать. По мере остывания аура тает вместе с температурой, и считать какую-либо информацию с остывшего тела, в том числе последние минуты жизни, становится невозможно. Что же делать? Прибегнуть к некромантии и в прямом смысле поднять и разговорить труп? Очень не хочется, но, видимо, придется.

«Дела пошли совсем не так, как планировалось, – мрачно подытожил внутренний голос. – Теперь скажут, что это ты, если, конечно, не успеешь найти кого-нибудь еще на вакансию убийцы».

Я скептически хмыкнула и отняла ладони от трупа. Где же сейчас искать этого «кого-то еще». Наверняка удрал давно.

Внезапная мысль заставила меня подскочить на месте. Ну конечно! Я ведь не зря произнесла усыпляющее заклинание перед тем, как попасть в дом! Вдруг убийца не успел

выбраться и сейчас дрыхнет без задних ног в какой-нибудь из комнат, попав под воздействие усыпляющих чар?

Вопрос первой важности: где эта комната? Лично я на месте грабителя не стала бы рисковать своей шкурой и соваться в окна первого этажа, как в самые легкодоступные. Охорон-трава на них есть однозначно. А вот повыше – это в самый раз. Не удивлюсь, если обнаружу убийцу спящим на самой крыше. Значит, нужно бежать наверх. Труп в любом случае никуда от меня не денется.

Осуществить задуманное не удалось. Стоило приблизиться к лестнице, как неподалеку послышались тихие шаги, а затем шорох, словно по полу щедро рассыпали крупу. Я потушила светлячок и замерла, безуспешно стараясь рассмотреть в наступившей темноте человека, а затем вдруг ощутила постороннюю магию, расползающуюся ловчей сетью по холлу.

Выбора не было. Надвигающаяся сила была чужой, незнакомой, и веяло от нее смертью. Сражаться, не будучи уверенной в победе, не имело никакого смысла. Я не стала дожидаться приближения, заведомо несущего в себе крупные неприятности, и рванула вверх по ступенькам со всей скоростью, на которую только была способна.

Вслед не донеслось ни единого звука – ни раздраженной брани, ни проклятий. Похоже, преследователь был уверен, что уйти я не сумею. Не могу сказать, что он так уж сильно неправ. Но если успею добежать до ближайшего окна быстрее, чем *это* меня настигнет, буду спасена. При условии, что магия, плывущая за мной по пятам, работает только в пределах дома, а не за пределами. Ну и чтобы охорон-травы не оказалось. Поскольку для противной травки я чужая, не своя. И ей до высокой звезды: лезу я в окно снаружи или выпадаю изнутри.

Одна надежда, что на верхних этажах окна не защищены, если только хозяин не боится проникновения с крыши, что маловероятно, потому что дом стоит отдельно. Впрочем, хозяину уже все равно. Отбоялся. А вот мне бояться положено, причем не только за свою жизнь, но и за репутацию мужа.

Не приведи Всевышний, откроется, что жена князя воровством промышляет, а в данном случае еще и воровством, отягощенным убийством! Талейну вовек не отмыться от грязи, не говоря уже о скандале, который может разразиться из-за убийства лица, приближенного к правителю Виллара. Еще и Салем сиротой останется.

Понятно, что ничто из вышеперечисленного меня не устраивало, поэтому по лестнице я неслась с кошачьей скоростью. Миновав второй этаж, взлетела на третий, свернула в темный коридор и, особо не раздумывая, ломанулась в ближайшую дверь. К счастью, она оказалась не заперта.

Темная комната со стандартным набором мебели на первый взгляд не таила в себе никаких сюрпризов. Только со стены, в изголовье широченной кровати, на меня угрожающе вытаращилась непонятная белая маска, ощерив в злобной ухмылке внушительные клыки, для правдоподобности окрашенные красной краской.

Мимоходом (скорее мимобегом) подивившись очередному олицетворению черного юмора хозяина дома (попробуй усни, когда над головой такая штука нависает!), я попыталась открыть окно. Рама не поддалась. Не желая сдаваться, я вновь и вновь дергала упрямую створку. В угольно-черном стекле мое лицо отражалось бледным пятном.

«Придется разбивать», – мелькнула тоскливая мысль. Соваться в осколки удовольствие малоприятное, но, похоже, выхода нет.

Пребывая в панике, я не сразу сообразила, что бледных пятен в стекле прибавилось. Тот, кто меня преследовал, уже вошел в комнату и находился неподалеку от меня. Но почему-то не нападал, выжидая.

Удушливая волна сдавила плотной удавкой горло. Была ли это магия незнакомца или мой собственный испуг, я не поняла. Запрыгнув на подоконник, прикрыла лицо рукой, выставила локоть и высадила стекло.

Звука рассыпающихся осколков даже не услышала. Слишком волновала сохранность собственной шкуры. Удачно приземлившись на ноги, помчалась прочь от дома. Миновав несколько переулков, остановилась, пытаясь унять скачущее бешеным зайцем сердце. Открыла портал и оказалась в своей комнате.

Соваться в таком виде в супружескую спальню побоялась. Если Талейн узнает, что я его ослушалась и пошла в одиночку работать, наверняка обидится. Тем более что у меня крупные неприятности: впервые невыполненный заказ плюс не входящее в мои планы убийство, пусть даже и совершенное не мной, и вмешивать в это дело мужа мне категорически не хочется.

«Узнает – мозги вытрясет! – принялся стращать внутренний голос. – Поделом тебе будет! Впрочем, в твоем случае что тряси, что не тряси, в голове только самонадеянность с самодеятельностью! Остальное не приживается, вымирает на корню».

На душе стало совсем тоскливо. Я присела в кресло и попыталась расслабиться, как вдруг неожиданно ощутила непонятное жжение в левой руке. Наверняка поранилась осколками, но в стремлении унести ноги этого не заметила. Поднесла ладонь к глазам и удивленно охнула: порезы отсутствовали, но кожа радовала глаз ярко-малиновым цветом, причем как с тыльной, так и с внутренней стороны. Обожглась! Настигла-таки меня противная травка!

Закатав рукав, досадливо поджала губы. Брачная вязь, прежде всегда имевшая красивый серебристый цвет, потемнела, приобретя цвет запекшейся крови. К несчастью, ожог пришелся и на нее.

Вздохнув, я закрыла глаза и сосредоточилась на лечении. Отчитав заклинание, посмотрела. Ничего не произошло. Удивилась, перечитала вновь. Безрезультатно. Несколько дальнейших попыток также ничего не изменили. Кожа по-прежнему была воспаленной и болела так, что я едва сдерживала слезы. Словно заклинания не облегчали, а, наоборот, усиливали ожог.

Уже не надеясь на удачу, я произнесла простенькое заклинание, призванное унять боль. К счастью, оно помогло. Не полностью, но хотя бы наполовину уменьшило мои страдания. Спасибо и на этом. Медленно, еще не до конца веря в удачу, я облегченно выдохнула и затихла, в глубине души опасаясь, что боль в любой момент вспыхнет с новой силой.

К счастью, по прошествии нескольких минут мучение не возобновилось. Побоявшись вновь пользоваться магией, я порылась в своих запасах и приготовила целебную повязку из трав. Забинтованная рука стала выглядеть менее пугающе. Теперь по всем канонам нужно было переодеваться и отправляться в спальню под бок к мужу. Вот только делать этого совершенно не хотелось. На душе скребли кошки, рука ныла, повязка распространяла стойкий травяной запах, взгляд, брошенный в зеркало, также не внушал оптимизма: бледная, осунувшаяся, с горящими лихорадочным блеском глазами – любой встречный моментально поймет, что у меня неприятности, а уж любимый муж тем более. Отвечать на все его многочисленные «почему» и выслушивать претензии на тему моего непослушания в данный момент не было ни сил, ни желания. Разумеется, сейчас ночь и он спит, но при моем появлении обязательно проснется. Так было не раз.

Вновь забравшись с ногами в кресло, я предалась невеселым размышлениям о том, кто решился убрать советника. Вряд ли убийца из своих, поскольку даже если кому-то коллекционер успел надоесть до зубовного скрежета, никто не захочет добровольно подставляться под тяжелую руку князя Наримана, который жесток и скор на расправу. Выходит, убийца либо явился издалека, либо излишне самонадеян.

И над мотивом убийства следует основательно подумать. Ограбление? Не похоже, иначе от коллекции, выставленной в холле, не осталось бы и следа. Убийство по политическим мотивам, учитывая высокую должность почившего, также отпадает, опять же из-за князя Наримана. Если только советник был не слишком чист на руку и пополнял свою коллекцию незаконным способом, банально воруя понравившиеся экспонаты? Но в таком случае недовольные в отместку давно разнесли бы дом по камешку. Хотя, если принять во внимание, что преследовавший меня незнакомец использовал незнакомую магию, возможно, на этот раз коллекционер зашел слишком далеко?

– Интересно, что с тобой случилось на этот раз?

Я подпрыгнула в кресле от неожиданности и обернулась. За моей спиной стоял Талейн, и он был очень зол. Еще бы! Моя одежда выдала меня с головой, отрезая все пути к оправданиям.

– Э-э… что? – растерявшись, я не сразу нашлась с ответом, безуспешно пытаясь унять предательскую дрожь в руках и коленях. Быть пойманной на лжи, оказывается, очень и очень стыдно.

– Вот и я спрашиваю: что с тобой случилось? – Серые глаза мужа превратились в две колючие льдинки. – И, представь себе, заранее знаю ответ. Ты ввязалась в очередную авантюру и получила по шее. Скажешь, я не прав?

– Прав. – Под его испытующим взглядом мне стало неуютно, и я не нашла лучшего выхода, как сознаться. – Прости, но я не хотела тебя беспокоить по пустякам. Мне заказали кольцо – сущую безделицу! Я думала, что быстро справлюсь одна, а затем вернусь домой.

– Лгунья! – Резкий тон хлестнул меня плетью. – Твоим словам и обещаниям нельзя верить. Воровство – грязная профессия, похоже, она испачкала тебе мозги!

Талейн исчез, а я так и осталась сидеть, оглушенная его последними словами. Муж давно и отлично знал, чем я занимаюсь, но никогда еще не позволял себе высказываться о моей профессии столь грубо. Сейчас же словно вывалял в грязи. Какая муха его укусила? Да, я ослушалась, но ведь ничего страшного не произошло.

Некоторое время я провела, сидя в кресле и уставившись в одну точку, потом уговорила себя, что конфликт выеденного яйца не стоит, переоделась в пеньюар и переместилась в спальню, рассчитывая помириться с мужем хорошо проверенным способом – силой женского обаяния. Увы, мои расчеты оказались неверны и потерпели полное и оглушительное поражение. Талейна в кровати не было. Похоже, после нашего разговора он не возвращался.

Внезапно в комнате наступила зима. Сквозь тонкую одежду я кожей чувствовала морозный ветер, взявшийся ниоткуда и теперь хозяйничавший в спальне, пользуясь моим оцепенением. Чувствовала и не пыталась остановить.

Ночь прошла беспокойно. Искать Талейна по всему дворцу среди ночи в тот момент, когда он пребывает в раздраженном состоянии, я попросту побоялась. Вместо этого мысленно пыталась выстроить утренний разговор с мужем, мечась по комнате, подобно зверю в клетке, до тех пор, пока не забылась кошмарным сном поперек кровати.

Я бежала через лабиринт, натыкаясь на тупики, а кто-то невидимый постоянно нашептывал:

– Направо пойдешь – семью потеряешь; налево пойдешь – друзей потеряешь; назад пойдешь – дитя потеряешь; прямо пойдешь – силу потеряешь. А остановишься – умрешь!

И я бежала вправо, влево, вперед и назад за неимением выбора, жалея, что не могу взлететь, как птица, – до тех пор, пока не упала на землю без сил.

– Умрешь, – равнодушно констатировал безликий шепот, и я проснулась.

В окно светило солнце, указывая, что сегодня я проспала гораздо дольше обычного. И почему-то никто меня не разбудил: ни прислуга, ни Тиам с Тимошкой, ни сын. Наверное, муж перестал злиться и, проникшись моим страданием во время бессонной ночи, велел не беспокоить, пока сама не проснусь.

Я встала, чувствуя себя усталой и разбитой. Подошла к зеркалу. Отражение не порадовало: глаза после бессонной ночи воспалились, а лицо заливала мертвенная бледность. Напоминанием обо всем происшедшем под повязкой надсадно болела обожженная ладонь. Я тоскливо вздохнула. Вернуть расположение Талейна в таком виде будет крайне проблематично. Только вызову жалость.

Следующий час я прилежно приводила себя в порядок. Нежно-голубое платье смягчило бледность лица, дразняще подчеркнуло грудь и открытые плечи, пудра скрыла тени под глазами, локоны кокетливо перевили нити жемчуга на манер косы. На пострадавшую руку я с трудом натянула белую перчатку.

Закончив приготовления, критически осмотрела себя в зеркало.

«Просто ангел! – умильно восхитился внутренний голос и тут же добавил сварливо: – Низвергнутый».

Я тоскливо вздохнула. Несмотря на полную внешнюю готовность, внутренних сил для разговора с мужем не было. Нужно было чувствовать себя виноватой, а я не чувствовала. Наоборот, при первых же мыслях об извинениях в душе поднималась волна искреннего негодования на никчемный тотальный контроль, устроенный Талейном. Знал же он, на ком женится! Если хотел домоседку, нужно было жениться на Зарайне.

Образ сестры встал перед глазами, согревая теплом и давая понять, что сейчас прежде всего мне нужна поддержка родного человека, чтобы выслушал, помог советом и, если понадобится, честно сказал в лицо, какая я дрянь. Может, тогда до меня дойдет…

Торопливо шепнув необходимые слова, я открыла портал во дворец Лиода. Памятуя о том, что Зарайна любит нежиться в постели до полудня, в то время как Дейн с раннего утра сидит в своем рабочем кабинете, без колебаний переместилась прямо в спальню.

К моему разочарованию, сестры не было. Вместо нее обнаружился Дейн; расположившись на кровати поверх покрывала, он читал книгу. Но при виде меня вскочил словно ужаленный. Приветливая улыбка на лице резко сменилась тревожной гримасой:

– Лайса! Что случилось?

– Пока ничего страшного, – успокаивающе отозвалась я, приседая в полушутливом реверансе. – Честно говоря, рассчитывала застать здесь Зарайну. Неужели вы поменялись привычками и теперь мне надлежит искать ее в твоем кабинете?

– Ни в коем случае, – на мгновение улыбнулся правитель. – Единственное, что может заставить мою жену встать пораньше, – это новый наряд. Уже несколько часов с портнихой общается.

– Как не вовремя! – Я не смогла сдержать огорченного вздоха. Возня с нарядами у сестры может затянуться до самого вечера.

– Но что случилось? – Карие глаза вновь взглянули на меня с неподдельной тревогой. – Расскажи мне, ведь я тебе друг!

Я окинула его задумчивым взглядом. Почему нет? Кто, как не мужчина, способен раскрыть мне особенности мужской души? Кто, если не друг, сумеет помочь понять ее?

– Мы с Талейном поругались, – объявила я, присаживаясь на край кровати. Услышав облегченный вздох и увидев складывающиеся в улыбку губы, категорично пояснила: – Крупно поссорились! Настолько, что он предпочел провести ночь в другом месте.

Брови Дейна взлетели вверх:

– Он изменил тебе?!

Я досадливо поморщилась. Похоже, с надеждой на раскрытие особенностей мужской души излишне поторопилась, если даже суть дела Дейн понимает с трудом. Тем не менее сумела взять себя в руки и продолжила:

– Я обидела Талейна тем, что отправилась на очередное задание без него. Он узнал об этом и накричал на меня. И со вчерашнего вечера я его больше не видела. Теперь мне нужно с ним поговорить, но я за всю ночь так и не смогла найти нужных слов. И пришла к Зарайне в надежде на помощь.

– Я уж думал, случилось действительно что-то страшное! – Дейн все-таки рассмеялся, причем довольно беззаботно. – Все очень просто: извинись и скажи, что была неправа.

Возмущение подбросило меня вверх. Сжимая здоровую руку в кулак, я взволнованно заходила по комнате.

– Почему это я неправа? Только потому, что не привыкла к бестолковому контролю? Интересно, и как же я раньше, до замужества, жила без чьего-либо присмотра! И ведь выжила как-то, руки-ноги не покалечила, не попала ни в какую историю! И, между прочим, сам Талейн лично отправил меня в Мертвую пустошь, где опасностей было хоть отбавляй! И вряд ли особо заботился о моей безопасности!

– Боюсь, здесь ты неправа! – тихо, но категорично осадил меня Дейн. – Не мне тебе рассказывать, как сильно он переживал. Ты же видела его память и все знаешь сама!

Вспомнив, как путешествовала по памяти Талейна в момент трудного выбора – отдавать или нет ему Мертвую корону, я на мгновение осеклась. Затем еще больше насупилась:

– Все равно, заметь, раньше мой муж спокойно смотрел сквозь пальцы на все мои ночные вылазки! А теперь вдруг начал трястись надо мной, словно наседка. У него что – климакс наступил?!

Почувствовав, что злость достигла апогея, я остановилась, сжала зубы и заставила себя замолчать. Оглянулась на Дейна. Тот беззвучно хохотал, закрыв лицо ладонями.

Ярость вспыхнула с новой силой.

– Ах так? Ну спасибо!

Я вызвала портал и уже было шагнула в него, но сильные руки в последний момент обхватили меня поперек талии и вытащили наружу.

– Успокойся, не убегай! – миролюбиво попросил Дейн, уткнувшись мне в затылок. – Пойми, Талейн волнуется за тебя. И он прав. Когда любишь человека, разумеется, хочешь оградить его от всех бед и напастей. И нет в этом ничего ужасного и страшного, и тебе незачем возмущаться. К тому же следует признать, что ты довольно импульсивна и зачастую руководствуешься сиюминутными решениями. А бедному Талейну приходится ожидать инфаркт из-за тебя.

– Мне его тотальный контроль жить мешает! – тут же запротестовала я, не оставляя попыток освободиться. – Я уже давно не ребенок!

– Когда злишься, становишься очень похожа! – парировал Дейн и вновь попытался воззвать к моему благоразумию: – Но подожди, пройдет немного времени и твой муж успокоится. Просто твое исчезновение в Серых горах еще слишком живо в его памяти и вызывает панический страх от мысли, что он мог тебя потерять.

– Ты-то откуда знаешь! – из вредности буркнула я, в глубине души понимая, что он в общем-то прав.

– Если помнишь, ты достаточно давно мне небезразлична! – упавшим до хрипоты голосом вдруг признался собеседник. – Поэтому мне не составляет никакого труда поставить себя на его место. И я боюсь за тебя не меньше. Или ты считаешь, что твое замужество могло что-то изменить в моем сердце?

Услышав страстные нотки в голосе Дейна, мое сердце испуганно встрепенулось и понеслось вскачь бешеным зайцем. Полнимая, что ситуация зашла дальше, чем следовало, я

круто развернулась, стремясь вырваться из объятий. Послышался треск разрываемой ткани, с тихим шелестом рассыпался по полу жемчуг из моей прически, но желаемой свободы я так и не обрела. Зато встретилась с Дейном лицом к лицу и, как следствие, с его губами.

Не стоит говорить, что его поцелуй был жарким, словно обжигающее пламя, и жадным – так припадает к источнику страждущий в надежде утолить жажду. На какое-то время его неожиданная страсть оглушила меня, ввергнув в оцепенение, но довольно быстро я сумела прийти в себя и, упершись в грудь Дейна обеими руками, прервала поцелуй.

Безумный огонь, полыхавший в его глазах, напугал меня еще больше, заставив проглотить вертевшиеся на языке слова возмущения.

– Но… у тебя же есть Зарайна! – Я произнесла имя сестры, словно молитву, ухватилась за него, словно утопающий за соломинку, прикрылась, словно щитом…

– Она другая. – Дейн опустил глаза. – Похожая на тебя, лишь как тень походит на человека. Хотя, видит Всевышний, я старался ее полюбить.

– Но у вас ребенок! – Я похолодела от ужаса, жалея о том, что не могу закрыть уши, чтобы не слышать всего того, что услышала. – Зачем же ты женился на ней?!

– Я смирился. – Дейн еще крепче сжал объятия, пытаясь сломить мое сопротивление, словно прочитал мои мысли. – Сначала пытался найти за внешней схожестью и внутреннюю, а затем смирился с неудачей. Ее главная задача – родить наследника, остальное не столь важно.

– Как мерзко! – Я с презрением уставилась ему в глаза, ощущая, как сердце камнем падает вниз от осознания того, что привычный мир вокруг совсем не такой, каким я его себе представляла. Семейный союз сестры казался мне прочным, надежным, и выслушивать подобные речи сейчас было ужасно обидно и… страшно. Так страшно мне не было даже среди демонов Нижнего мира. – Дейн, это подло! Что бы ни стояло за твоими намерениями, но к женитьбе тебя никто не принуждал. Это было твое личное решение, причем, как ты уверял, принятое по любви. А значит, моя сестра не должна платить за твои несбывшиеся надежды! Да будет тебе известно, что она искренне любит тебя, совершенно не подозревая о том, как ты несправедлив по отношению к ней. Сейчас же отпусти меня! Иначе, клянусь, я плюну тебе в лицо!

Дейн посерел лицом, но послушно разжал руки.

Я сделала шаг в сторону и вызвала портал. Вошла в него, с трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться на бег, так сильно мне хотелось оказаться как можно дальше от того, кого я искренне считала другом и который сейчас предал меня. Мою сестру, как выяснилось, он предал гораздо раньше.

Оказавшись в своей комнате, ощутила острую тяжесть тоски, сдавившую грудь жгучими тисками. Да, разочарование порой сродни смерти, но как мне хотелось не слышать этих беспощадных, разрушительных признаний. Не слышать, забыть, не знать!

Попавшееся на глаза собственное отражение в зеркале едва не заставило расплакаться: порванный по шву лиф платья, испорченная прическа, красноречиво припухшие от чужой страсти губы и затравленный взгляд лихорадочно блестящих от обиды глаз.

«Ну как, сумела понять особенности мужской души?» – ехидно поинтересовался внутренний голос.

Глава 4

От любви до ненависти – шаг,
Как от встречи до разлуки – миг.
Но в глазах твоих глубокий мрак,
А в моих застыл надрывный крик.
Между нами лишь осталась боль,
А душа моя так просит свет.
Умоляю, мне верни любовь!
Только к прошлому возврата нет…

Пострадавшее платье я сумела привести в порядок. Внешность с помощью различных примочек и косметики – тоже. Но справиться с душевным спокойствием так же быстро не удалось. Вместо помощи я получила от Дейна только лишние проблемы и вполне объяснимое чувство стыда пополам с обидой.

Теперь отчаянно злилась на саму себя за неумение видеть дальше собственного носа и умение ввязываться в неприятности. Еще, разумеется, на Дейна – за его ненужную и несвоевременную любовь. А также на сестрицу, которая вместо того, чтобы помочь мне в тяжелый момент, так некстати занялась примеркой очередного платья, притом что шкафы у нее и так трещат от изобилия нарядов.

Единственное, что позволяло мне сохранять относительное спокойствие, это понимание того, что сей компрометирующий момент никто не видел, и жестоких речей Дейна никто, кроме меня, не слышал. Мне распускать язык, ясное дело, ни к чему. Дейн, вне всяких сомнений, тоже промолчит. А раз так, то нужно постараться забыть обо всем происшедшем. И, разумеется, постараться избегать в дальнейшем встреч с Дейном наедине. Все равно вмешиваться в семейную жизнь сестры ни с предупреждениями, ни с убеждениями, ни тем более с советами я, признаться, категорически не хочу.

Найдя единственно верный выход в данной ситуации, я отвлеклась от тяжелых мыслей и обнаружила, что по рассеянности окунула в травяной отвар обожженную руку, не сняв предварительно перчатку и повязку. Пришлось потратить время на перевязку и поиск новой перчатки.

Несмотря на все трудности, выйти из комнаты я смогла точно к обеду, рассчитывая, что увижу Талейна в столовой. О недавнем невольном происшествии более не напоминало ничто, кроме моей памяти, но я понимала, что теперь буду вполне искренне просить прощения у мужа, позабыв свои прежние претензии и обиды.

«Нет худа без добра! – напутствовал меня внутренний голос, когда слуга, склонившись в приветственном поклоне, распахнул передо мной тяжелую дверь столовой. – Будь кроткой как овечка. От удивления он все простит».

В душе шевельнулся страх, тоскливо засосало под ложечкой. Удивившись столь непривычному для меня чувству трусости, я расправила плечи и, гордо вздернув подбородок, переступила порог. Салем в силу возраста предпочитал обедать в своей комнате на ковре среди книжек и игрушек, поэтому я серьезно рассчитывала на приватный разговор.

Оправдывая мои ожидания, Талейн сидел за накрытым столом, но был непривычно бледен. Лицо казалось застывшей маской.

Неожиданное присутствие в помещении четырех незнакомых женщин, наглухо закутанных в черно-белые монашеские балахоны, делавшие их похожими на мумий, также не прибавило мне оптимизма. Они стояли за спиной мужа с такими скорбными выражениями на лицах, что в моей душе незамедлительно проснулось сочувствие, в то время как предчувствие кричало о карающих ангелах возмездия. У каждой присутствовал влажный блеск

в глазах, уголки поджатых губ были печально опущены – по неизвестным мне причинам женщины готовы были заплакать.

Ничего необычного в этом, в силу определенных монарших обязанностей Талейна, не было. Просители во дворце появлялись часто, и муж не всегда принимал их в тронном зале, предпочитая временами свой рабочий кабинет и даже столовую, если это позволял ранг гостя. Кстати, эти женщины, пусть и не каждая лично, но были мне знакомы – монахини из Навитинского монастыря.

Деревня Навитино прилегала к Райлену с юго-запада и считалась самой зажиточной и благополучной из всех окрестных поселений. Между собой мы с Талейном полушутя объясняли сей факт божьей благодатью. На деле же все было гораздо прозаичней: монахини не только имели в обители роскошный сад и королевского размаха огород, но и охотно помогали крестьянам с посадкой, сбором урожая и прочими земледельческими хлопотами. Жаль, что божьего уголка на земле коснулась какая-то беда. Иначе с чего им плакать?

Неожиданный грохот вырвал меня из раздумий, вернув в реальность.

Талейн с невозмутимо-каменным лицом возвышался над столом. На мраморных плитах пола лежал опрокинутый стул – верный, но, признаться, весьма неожиданный признак ярости. На моей памяти муж впервые вымещал свой гнев на мебели.

Я невольно округлила глаза, пытаясь понять, в чем дело.

– Я обвиняю тебя в измене! – Муж решил не дразнить мое любопытство и сразу перешел к сути дела, не дожидаясь прямого вопроса. – В наказание я расторгаю наш брак и лишаю тебя возможности считаться матерью моего сына. Также лишаю полученного вследствие нашего брака титула и всех полагающихся привилегий. Ты немедленно покинешь дворец, и дальнейшая твоя жизнь будет протекать за пределами Райлена, но на прилегающей к нему территории в стенах Навитинской обители. Слово правителя!

В подтверждение слова, эхо которого еще не растаяло под сводами дворцового потолка, на стол, чудом не угодив в блюдо с запеченным лососем, упал свернутый свиток, перетянутый шнуром и скрепленный сургучной печатью с оттиском герба Райлена.

– Ты мечтала о свободе? – Глаза Талейна опасно сверкнули. – Получай!

Я замерла, ошеломленная, и некоторое время не могла поверить собственным глазам и ушам, отчаянно надеясь на то, что все происходящее всего лишь глупая, жестокая шутка. Но чем дольше смотрела на мужа, тем явственней ощущала пресловутый мороз по коже.

– В чем дело? – Я с тоской отметила, как сильно дрожит мой голос. – Милый, ты придумал слишком жестокую шутку!

– Не я. – Он тряхнул головой, словно отгоняя надоевшую муху. – По-моему, это ты решила посмеяться над нашим браком.

Посмеяться? Я? Я недоуменно нахмурилась. В памяти услужливо всплыло страшное слово, которое вменялось мне в вину: измена. Измена?!

– Талейн? – На глаза навернулись слезы. – Я не изменяла тебе!

– Правда? – Муж вскинул брови, всем видом демонстрируя недоверие. – Почему-то твоя сестра, рыдавшая у меня на плече несколькими часами раньше, твердо уверена в обратном.

– Здесь была Зарайна?! – Сердце камнем рухнуло в пятки. Я почувствовала жар на щеках и поняла, что предательски краснею. – Но почему она не пришла ко мне? Я бы все ей объяснила!

– Боюсь, ты последний человек из тех, кого она захочет видеть в ближайшее время. – Подчеркнуто равнодушный тон вызвал противную дрожь в моих коленях. – К тому же вряд ли ей нужно объяснять то, что она и так видела собственными глазами.

– Но все совсем не так! – Я сорвалась на отчаянный крик, понимая, что попала в ловушку, из которой может не быть выхода. – Я не изменяла тебе! Клянусь! Посмотри мою память! Ты же можешь! Ты все увидишь и все поймешь!

– В этом нет необходимости! – Маска равнодушия слетела с лица Талейна, уступив место яростной брезгливости. – Я смотрел память Зарайны и подтверждаю, что полуголая шлюха в объятиях Дейна – это ты! Все еще осмелишься возражать?

Я набрала воздуха в грудь и… замолчала.

Вот и все, ловушка захлопнулась – он видел достаточно, сделал соответствующие выводы и, что самое страшное, безоговорочно уверен в своей правоте. Любые возражения бессмысленны. Сейчас ничего, кроме ослепляющей ярости и лютой ненависти муж ко мне не испытывает, и когда это состояние пройдет, одному только Всевышнему известно. Всевышний…

До меня наконец дошел весь ужас положения. Я в отчаянии заломила руки:

– Талейн, пожалуйста, не разлучай меня с сыном! Не делай хотя бы этой страшной ошибки!

– Падшая женщина не годится в матери! – Резкий сухой тон стегнул меня плетью. – Он прекрасно обойдется без тебя! И не стоит излишне драматизировать. Для тебя на первом месте всегда была только твоя работа, ради которой ты пренебрегала и сыном, и мной, заботясь в первую очередь исключительно о своих интересах. Поэтому оставь эмоции и покинь замок достойно, если не хочешь, чтобы тебя вышвырнули отсюда за волосы, как какую-нибудь воровку. Впрочем, ты и есть воровка, но, если не хочешь, чтобы я возненавидел тебя еще больше, исчезни тихо и спокойно. На случай, если решишь выкинуть какую-нибудь глупость, напоминаю: в магии, и не только, я гораздо сильней тебя, поэтому предупреждаю – достану из-под земли, если потребуется.

В душе стало пусто и холодно. На глаза против воли навернулись слезы, острые шипы обиды оцарапали горло, мешая говорить. Плакать перед мужем, ставшим сейчас совершенно чужим человеком, незнакомым и опасным, мне категорически не хотелось, чтобы не терпеть еще большего унижения, но последнее слово должно было остаться за мной.

Я выпрямилась, гордо вздернула подбородок и с вызовом посмотрела в колючие льдинки глаз.

– Сейчас твоя ярость мешает тебе услышать меня, но позже ты пожалеешь о том, что так легко предал меня и нашу любовь. В отличие от тебя я никого не предавала. Прощай!

Пара коротких слов шепотом… и вместо ожидаемого портала в воздухе с треском проскальзывают белые всполохи, впитываясь в не защищенную тканью платья кожу, обжигая и швыряя меня, скорчившуюся от невыносимой боли на пол. Приходится кусать губы до крови, чтобы не кричать в голос. Время, которое длится пытка, кажется бесконечным. Но боль постепенно уходит, оставляя меня обессиленной, дрожащей, с покрытым испариной лбом, но, к счастью, не покалеченной.

– Считаешь меня идиотом? – Тяжелые шаги по полу, и Талейн нависает надо мной. В застывшей маске лица нет и тени сочувствия. – Я слишком хорошо знаю твои способности, а также умение исчезать без предупреждения. Но на этот раз исчезнуть не получится. Я блокировал твою магию. По сути, подарил тебе свободу. Теперь ты ничем не отличаешься от обычных людей. И можешь не благодарить, это мой тебе прощальный подарок. Теперь при каждой попытке применить магию ты будешь испытывать яркие и незабываемые ощущения. А теперь пошла вон!

– Эй, ты белены объелся? Или эти монашки опоили тебя какой-нибудь дрянью? – Ввиду памятного уличного прошлого, когда Тимошке категорически не везло со священнослужителями, кот не жаловал никого из этой братии и поэтому сейчас, ступая мягкими лапами по мраморным плитам, смотрел на гостей с плохо скрываемым чувством брезгливости.

– Не лезь не в свое дело! – процедил теперь уже бывший муж. – Оставь нас одних!

– А эти сороки останутся? Вели им тоже выйти! Иначе как же вы останетесь одни? – неподдельно удивился кот. Потом взглянул на меня и округлил от ужаса глаза: – Ты что, выгоняешь ее?! Совсем озверел?

– Я сказал: не твое дело!

Вслед за емким объяснением в сторону кота полетел небольшой пульсар. Тот благоразумно дал стрекача и выскочил в коридор. Уже оттуда наградил Талейна еще одним нелестным эпитетом:

– Кретин полоумный!

Серые глаза вновь опасно прищурились, но вместо того, чтобы послать вдогонку еще один пульсар, Талейн исчез в портале, бросив мне напоследок:

– У тебя несколько минут на сборы!

Я закрыла сумку, забросила ее на плечо и с тоской огляделась. Решила не брать ничего, кроме смены чистого белья, а также различных настоек, мазей и сборов из трав. Ножи и амулеты под грозными взорами монахинь, следовавших за мной по пятам подобно черно-белым призракам, пришлось оставить на местах. Одежду и драгоценности я также не тронула. На память о дворцовой жизни и потерянном счастье в сумке лежал лишь злополучный свиток, брошенный мне Талейном, в котором в письменном виде излагалось все вышесказанное. Даже камень в кольце на пальце, всегда служивший мне талисманом и проверкой в тех случаях, когда нужно было выявить ложь, после вмешательства Талейна безнадежно потух, превратившись в мертвую безделушку. Я оставила и его.

При попытке прорваться в комнату сына, чтобы попрощаться, была остановлена конвоем нянек, которые в грубой форме объяснили мне, куда должна отправиться такая нерадивая мамаша, как я. Некоторое время я отчаянно, но бесполезно взывала к их женской солидарности и материнским чувствам, затем, после угрозы позвать его величество, была вынуждена отступить. В глазах лишь некоторых женщин засветилось участие и сочувствие, остальные же, в основном те, кто моложе, не скрывали своего торжества, словно наконец избавились от надоевшей соперницы. Судя по сальным шуточкам и озорно блестевшим глазам, после моего ухода Талейн обречен длительное время обнаруживать настойчивых девиц у себя в постели. Убедившись в моей измене, он вряд ли откажется от подобного утешения.

– Ваше величество, у нас мало времени! – позвала ожидавшая у двери монахиня.

Обращение вызвало горькую усмешку. Я отвлеклась от воспоминаний и присела перед Тимошкой, в ожидании сборов расположившимся на кресле, том самом, где меня вчера посреди ночи обнаружил Талейн. На высокой спинке, безжалостно вогнав внушительные когти в бархатную обивку, сидел попугай. Он уже исчерпал словарный запас возмущений, поэтому сидел молча, прикрыв глаза, и лишь изредка тяжело вздыхал.

– Хорошие мои! – Я уронила сумку с плеча и поочередно обняла обоих, разговаривая шепотом, чтобы не слышала монахиня. – Не оставляйте Салема, присмотрите за ним!

– О себе лучше волнуйся! – также шепотом отозвался Тимошка. – А твоему кретину мы мозги вправим, обещаю. Береги себя! С этими мымрами жизнь не сахар, но ты держись и верь, что все наладится. И за сына не волнуйся, мы присмотрим.

Я схватила сумку и быстро вышла из комнаты, едва сдерживая слезы на глазах.

Покидала дворец уже в сумерках, в закрытой повозке, под конвоем, словно преступница. В запале ярости Талейн пожалел для меня даже нормальной кареты. Способ перемещения порталами был теперь недоступен, пришлось вспомнить обычную жизнь. Услышав протяжное ржание Карата, я было дернулась в конюшню, но была остановлена стражей. Разозлившись, клятвенно пообещала себе вернуться. Пусть бывший муж хоть тысячу раз сильнейший маг, но я найду способ увидеться с теми, кого люблю, чего бы мне это ни стоило.

Глухо зацокали копыта, повозка выехала за пределы дворца. Кованые ворота закрылись. Прильнув к крошечному окошку, я смотрела на проплывающие мимо улицы, спешащих по своим делам горожан и, глотая слезы, которые больше не могла сдерживать, упрямо твердила себе, что это не конец. Монахини, хвала Всевышнему, молчали. Только дождь, часто и дробно стучавший снаружи по обшивке, словно в поддержку проливал вместе со мной свои слезы.

Глава 5

Душа и тело на ключ запечатаны,
Несвобода слезами оплачена,
Но найдет за семью печатями
То, что будущим предназначено.

Монастырь встретил меня тишиной и пустотой. Проходя по длинным коридорам, где каждый шаг отдавался пугающим эхом, я разглядывала длинные мрачные тени от чадящих факелов на каменных стенах и плотно закрытых дверях, и чувствовала нарастающее с каждым шагом раздражение. Слезы закончились еще в дороге, теперь на смену грусти пришла злость.

Еще вчера были потоки красивых слов и чарующих речей, еще вчера между нами царили любовь и доверие. Все это было вчера. Сегодня же меня ждал холодный лабиринт монастыря, конвой из четырех стражников за спиной и полное отречение, словно не было меня никогда в жизни Талейна. И все это случилось благодаря глупейшему стечению обстоятельств. По сути, я не виновна, но тот, кто еще вчера клялся мне в вечной любви, сегодня легко и непринужденно вышвырнул за порог, не поверив и не дав сказать ни слова в собственное оправдание. Да, в жизни нет ничего вечного, и даже память не вечна. Но он предпочел верить чьим угодно словам, только не моим! Это ли не есть предательство?

Талейн, какой же ты глупец! Пусть ты сильнейший, пусть ты князь, пусть побывал не только на этом свете, пусть даже отобрал у меня сына и лишил магии, но ты – глупец! Воистину, только глупец способен так легко, без борьбы и сомнений отступиться от собственного счастья в угоду чужим домыслам и догадкам!

Зарайна тоже хороша: вместо того, чтобы прийти ко мне, тут же побежала жаловаться моему мужу! Вернее, уже бывшему мужу. Словно и не сестра мне, а старая зловредная сплетница. Интересно, под каким предлогом она уговорила Дейна открыть портал в Райлен?

«Дорогой, скорее! Мне нужно срочно сообщить об измене моей сестры с моим же мужем!» – передразнил Зарайну мой внутренний голос.

Я вдруг расхохоталась, заставив идущих впереди монахинь испуганно вздрогнуть и обернуться. Гулкое эхо разнесло мой смех по коридорам, запетляло, запуталось в переходах, взметнусь к высокому потолку и полетело вдаль, становясь все тише.

– Ш-ш-ш! – испуганной черно-белой птицей метнулась ко мне одна из сопровождающих, перейдя на трагический шепот. – Смех – происки дьявола, прекратите!

Ее речь не произвела на меня должного впечатления, лишь вызвала новый приступ хохота.

– Истерика, – со знанием дела объявил один из стражников и залепил мне пощечину. Полновесную, без какого-либо намека на уважение к женскому полу.

– Мужская солидарность? – мгновенно успокоившись, я пристально посмотрела на него. – Советую держать ее при себе. Если мой муж сменит гнев на милость и восстановит меня во всех правах, первым делом я позабочусь о твоем увольнении.

Любитель давать волю рукам скрылся за спинами товарищей.

– Ваша келья. – Монахиня толкнула боковую дверь, темным пятном выделявшуюся на белой стене, и прошла вперед. Пламя факела осветило скудную обстановку: узкий шкаф, низкую кровать и крошечную тумбочку. – Располагайтесь. Учитывая обстоятельства, сегодня ужин вам принесут сюда в виде исключения. В остальные же дни следует ходить в общую столовую со всеми сестрами.

Стоило мне переступить порог, как дверь закрылась, послышался характерный звук поворачивающегося ключа и удаляющийся шорох шагов.

«Попалась птичка в клетку, – мрачно констатировал внутренний голос. – Допелась».

Решив не расстраиваться по этому поводу и не терять времени даром, я первым делом изучила место, в котором, по мнению Талейна, проведу остаток дней.

Келья оказалась убогой – два шага в ширину, четыре в длину, особо не разгуляешься. С неудовольствием отметила решетку на окне, слишком узком, чтобы давать много света. Стало понятно, почему у монахинь такие бледные лица. Интерьер был по-монастырски скудным: в шкафу помещалось не более пяти платьев, впрочем, монахиням вряд ли нужно больше, рядом стояла низкая и короткая кровать. Спать на ней можно было, лишь подтянув колени к подбородку или сидя.

«Верну титул – проведу церковную реформу!» – возмущенно решила про себя.

«Вернешь ли?» – поддел внутренний голос.

Огрызнуться я не успела. В замке повернулся ключ, дверь открылась, явив моему взору еще одну монахиню, обряженную в белую рясу – настоятельницу монастыря, мать Лавинию. В руках вошедшей был поднос. А на нем – кувшин с неведомым напитком, и – о чудо! – исходящие горячим паром пирожки! Развод разводом, но еда – прежде всего! Желудок моментально напомнил о несостоявшемся обеде и запоздалом ужине сварливым ворчанием, поэтому моего терпения хватило лишь на короткий приветственный кивок, после чего я села на тумбочку, поставила поднос на колени и жадно вцепилась в пирожок, по величине напоминавший лапоть. Начинка оказалась сухая, из толченой фасоли, но меня это не смутило. Ягодный морс вполне исправил положение. Поэтому с ужином я закончила в считаные минуты, и только потом вспомнила о настоятельнице, с которой, будучи некогда вторым лицом в городе, была знакома.

– Простите… – Я без зазрения совести поставила поднос на пол и вернулась на тумбочку, поскольку в ожидании конца трапезы монахиня присела на кровать, не оставив мне места. – Стресс и дальняя дорога способствуют пробуждению аппетита.

– Понимаю. – Тонкие бесцветные губы сложились в сочувствующую улыбку. Спокойный голос звучал мелодично, но с легкой грустью. – Надеюсь, происшествие вас не сломило и не лишило здравомыслия?

– Вот еще! – Я вызывающе вздернула подбородок, не считая нужным выставлять напоказ душевные раны. – Если вы пришли прочитать мне лекцию о моем поведении, а также о заведенном в этих стенах распорядке, то зря стараетесь. Все обвинения в мой адрес это даже не ложь, а вопиющее недоразумение! И в рясу я обряжаться не стану. Также убедить меня в том, что все присутствующие здесь мои сестры и братья, у вас тоже не получится. Молитву я знаю лишь одну, и в то, что Всевышний помогает всем и каждому, теперь уже не верю.

– Веришь! – Настоятельница вдруг перешла на «ты», внешне оставаясь спокойной и невозмутимой. – Отрицание на самом деле есть призыв о помощи. И я могу доказать тебе, что Всевышний милостив и не оставляет детей своих в беде.

– Ну-ну. – Я скептически поджала губы.

– Ты ведь хочешь вернуть расположение мужа? – прозвучал искушающий вопрос.

– Да пусть подавится своим расположением! Во дворце и без меня желающие на него найдутся.

– И ты совсем не скучаешь по сыну? – испытующе спросила настоятельница.

– Не ваше дело! – нагрубила я.

– Допустим, – не сдавалась собеседница. – А если я скажу, что твоей семье грозит смертельная опасность и только ты можешь помешать страшным планам?

– Моя семья в лице моего мужа сегодня отказалась от меня, безжалостно вышвырнув за ворота, словно бродяжку! – огрызнулась я, не поддавшись на провокацию.

– Ваше величество, не дурите! – не сдержалась собеседница. Подалась вперед, схватила за здоровую руку. – Я знаю вас как умную женщину, готовую прийти на помощь любому, кто попросит. Так выслушайте меня без глупого упрямства! Обиды недолговечны и рано или поздно проходят, оставляя после себя горечь утраты. Потом вы будете горько сожалеть, что так легкомысленно отнеслись к моим словам. Если же не хотите думать о муже, подумайте о своем сыне! Он не заслуживает смерти!

– Что? – Я слетела с тумбочки и схватила настоятельницу за грудки: – Что за бред вы несете?

– Наконец-то вы меня услышали! – безбоязненно воскликнула монахиня.

Я разжала руки и, придвинув тумбочку ближе к кровати, требовательно уставилась в глаза собеседнице:

– Рассказывайте!

Рассказ оказался чрезвычайно прост: в Райлене готовится свержение власти. В кабинете министров, которому всецело доверял Талейн, выбрали преемника из «своих», и теперь министры вкупе с советниками активно претворяют в жизнь план по достижению сей глобальной цели. В качестве оружия против сильнейшего в магии, и не только, как совсем недавно величал себя Талейн, в город привлечена пятерка магов, чьи силы и знания в сумме ничуть не уступают силам моего бывшего мужа. Поскольку в заговоре участвует вся верхушка, включая главнокомандующего, содействия армии Талейн не дождется и будет свергнут. Народное восстание в поддержку бывшего правителя, если таковое произойдет, быстро падет под натиском оружия и магии. И случится то, чего так жаждут министры, и что совсем не понравится ни моей семье, ни мне, – свержение законного государя.

Стоит ли говорить, что случившийся между нами разлад на руку злоумышленникам. Проблемы на личном фронте сильно ослабляют защитный фронт, поэтому Талейн и не заметит, как останется ни с чем. Злится ли он на меня, сожалеет ли, голова его в любом случае занята сейчас не тем, чем нужно. Тем более что о заговоре он не имеет ни малейшего понятия, иначе давно поделился бы со мной мыслями на эту тему. И если меня, заточенную в монастыре, заговорщики не тронут, безбоязненно сбросив со счетов, то с мужем и сыном расправятся безжалостно.

– Твой долг помочь семье! – патетически воскликнула мать Лавиния, обжигая меня взглядом лихорадочно горящих глаз.

Некоторое время я пыталась переварить полученную информацию и честно выискивала нестыковки в рассказе. Потом пристально уставилась на настоятельницу:

– Собственно, откуда вдруг взялись маги, способные противостоять Талейну? Ведь, насколько мне известно, на близлежащих территориях сильнее моего бывшего мужа, – голос предательски дрогнул, – никого нет.

– Никого нет из тех, кто известен, – согласилась собеседница. – Но те, кто действительно сильнее, не выставляются напоказ и стараются ничем не напоминать о себе. Скажи, например, что тебе говорит название «Хранители Равновесия»?

– Ничего не говорит, – призналась я после недолгого копания в памяти.

– Вот видишь? А между тем этот древний Орден, состоявший исключительно из магов, сделал много полезных и славных дел. В частности, служители Ордена сохраняли равновесие, не позволяя магии преобладать над реальным миром. К примеру, если у какого-нибудь мага просыпалось нездоровое желание поработить кого-либо посредством своего могущества, служители лишали его силы и таким образом сохраняли мир и спокойствие на земле. Если же маг находился в здравом уме и приносил своими знаниями пользу, разумеется, его не трогали. Отобранную силу помещали в специальный кристалл.

Но со временем случилось неизбежное: накопленная сила взволновала умы некоторых служителей Ордена. Помыслы о завоевании мира оказались не чужды даже им. И во избежание непоправимого кристалл был разбит, а его части развезли по сторонам света пятеро верных хранителей. И теперь эти хранители находятся на подступах к Райлену. Я уверена, ты в состоянии себе представить, *что* случится, если части кристалла соединятся вновь.

– Хотите сказать, что они используют силу кристалла для уничтожения Талейна? – Мысли в голове устроили отчаянную чехарду, разум вторил им надвигающейся паникой, упорно отказываясь верить в столь мрачное будущее. – Но почему?! Вы же сами сказали, что магов, приносящих своими знаниями пользу, Орден не трогает!

– Верно, не трогает. – В отличие от меня настоятельница была сама невозмутимость. – Но думаешь, им известно, что твой муж добрый, мудрый, верный, не притесняющий, не угнетающий и так далее правитель? Спешу разочаровать. Им известно, что твой муж вернулся в этот мир после длительного пребывания за Гранью. И мы с тобой, равно как и любой другой человек в городе, знаем, что это правда. Но главная проблема заключается в том, что хранители верят, что душа, попавшая за Грань, уже не возвращается в мир живых. А значит, в теле Талейна вместо истинной души обретается злой дух, который по определению не может испытывать к людям добрых чувств. Проще говоря, Райленом правит нежить.

– Неправда! – Я вскочила на ноги, опрокинув тумбочку на пол. – Это ложь! Талейн – человек, как любой из нас! И во многом гораздо человечней остальных!

– Верю! Успокойся, я тебе верю! – Пока я в гневе размахивала руками, двигаясь в сторону двери, монахиня вернула тумбочку на место.

Шагая обратно, я налетела на нее и уронила повторно. Крайне неудачно – прямо на ноги настоятельнице. Повисла неловкая пауза.

– Но хранители верят другой информации, – не поморщившись, закончила настоятельница, вновь водружая несчастный предмет мебели на место. – Той информации, которую они услышали от министров.

– Но если эти хранители придут в Райлен, то своими глазами увидят, как живет народ. И после этого все вопросы отпадут сами собой. Так?

Я отчаянно боролась с паникой. Разумеется, я давно знала, что Талейн был за Гранью, причем долгое время. Но мне никогда не приходило в голову посмотреть на ситуацию под таким углом. И уж меньше всего я ожидала, что кто-то другой додумается до подобной вопиющей глупости. Воистину, управление народом – грязное дело. И это после всего, что Талейн для них сделал! Восстановил город, освободил души жителей из заточения, вернул всех к нормальной жизни! Даже министров тех же самых освободил! И теперь ему в ответ лишь такая черная неблагодарность? Ну, держитесь, старые сморчки, доберусь я до вас!

Память услужливо подсунула отвратительную сцену нашего расставания в столовой: перекошенное злобой лицо мужа, падающий в блюдо свиток с записью о нашем разводе.

«Разве он благодарен тебе за годы совместной жизни? – вкрадчиво поинтересовался внутренний голос. – Разве так благодарят»?

– Вопросы не только не отпадут, но и возникнет еще больше, – перебила мои воспоминания настоятельница, избавив от необходимости отвечать самой себе. – Не забывай, что твой муж – маг. При помощи магии людям легко внушить и радость, и горе, и страх, и любые другие чувства. Не думаю, что хранители будут особо разбираться. Любой житель в городе подтвердит, что Талейн вернулся с того света. И этого более чем достаточно. Нежить опасна сама по себе. А нежить, владеющая магией, опасна вдвойне.

– Но ведь и все жители вернулись с того света! – вспылила я. – Министры, кстати, в том числе! Так почему все шишки должны достаться одному Талейну?!

– Потому что именно он правитель, и он не угоден министрам, – чуть заметно пожала плечами мать Лавиния. – Полагаю, против всех жителей магов никто не науськивал. Не знаю,

под силу ли им стереть с лица земли наш город, но рисковать своей шкурой министры не станут, так что подставлять под удар город не будут.

– Предлагаете мне убить магов, рассовать министров по камерам, а советников собственноручно вздернуть на виселице? – Я скептически усмехнулась. – Не выйдет. Первый же маг сотрет меня в порошок даже без помощи кристалла, поскольку я не смогу защититься. О министрах и советниках и говорить не стоит. Даже подобраться не успею.

– Да, магии в тебе сейчас ни капли, – согласилась монахиня. – Но ты и без нее многое умеешь. Не так ли, Лиса? Так какой смысл идти напролом? Победи магов хитростью и ловкостью рук – укради. Насколько я знаю, в этом искусстве тебе нет равных.

– Вам и это известно? – Перенасыщение информацией за время нашего разговора напрочь лишило меня способности удивляться. Вопрос был задан в пространство исключительно для проформы.

– Всевышнему известно все! – не смутившись, продолжала настоятельница. – Нам же, как особо приближенным к нему, известно далеко не все, но многое. Но это не тот вопрос, который должен тебя сейчас волновать. Слушай дальше, я не закончила. Украв осколки кристалла, ты, конечно, не лишишь магов их природной силы. Но, во-первых, остановишь войну еще до ее начала. А во-вторых, что тоже немаловажно, сможешь сама этой силой воспользоваться. После этого тебе не только маги с министрами, но и собственный муж будет не страшен.

– Бывший муж, – уже привычно поправила я. – Но я его не боюсь!

– Боишься или нет, но в данный момент ты все равно вынуждена подчиняться его правилам. Не так ли? А теперь представь, что будет, если твоя сила не только вернется, но и превзойдет силу мужа?

– Что будет? – Я задумчиво уставилась в потолок. – Хотя бы то, что он больше не сможет мне запрещать видеться с сыном.

– По-моему, одного этого уже более чем достаточно. Но ты также сделаешь еще одну немаловажную вещь – предотвратишь свержение своего правителя! Думаю, после такого поступка он простит тебя и забудет о разводе, словно о страшном сне.

– Простит?! – Ненавистное слово подействовало на меня словно красная тряпка на быка. Я вновь подскочила со злополучной тумбочки. Мебель покачнулась и отомстила за неучтивое обращение, на сей раз грохнувшись на мою ногу, но в запале я этого даже не заметила. – Да после его предательства это *я* тысячу раз подумаю, прощать его или нет! И кстати, – возмущение вновь разбудило мои подозрения, – откуда мне знать, что ваши слова – правда?

– Во-первых, мне нет смысла лгать, – пожала плечами настоятельница. – Во-вторых, новая метла всегда метет по-новому, а мне бы не хотелось перемен. Здесь в монастыре существует давным-давно устоявшийся уклад жизни, свои правила и своя атмосфера. А реформы, которые так любит проводить новоиспеченная власть, способны все это уничтожить. Ну и, в-третьих, ты сама будешь воровать кристаллы. А когда совместишь осколки, получишь доказательства в виде вернувшейся магической силы.

– И как же я найду этих магов?

Собеседница потупила взор и задумчиво пожевала губами. Затем вновь посмотрела на меня с прежним воодушевлением:

– Один из магов уже прибыл в город. И со дня на день мне должны сообщить адрес, где он остановился. Добыв первый осколок, ты сможешь найти и другие. В крайнем случае добьешься признания от мага. Наверняка у тебя имеются свои способы добывания информации.

Я деликатно промолчала, решив не расстраивать монахиню сообщением о том, что с потерей магической силы мои многочисленные способы и умения резко потеряли в своей численности, и поспешно перевела разговор в более важное русло:

– Если вы знаете о заговоре и даже имеете доказательства в лице приехавшего мага, почему же сами не пришли с докладом к Талейну?

Настоятельница тяжело вздохнула и посмотрела на меня несколько растерянно.

– Клянусь Всевышним, я собиралась, хотя в успех этой затеи особо не верила. Но, к счастью, теперь представился более надежный случай в твоем лице.

– Почему надежный?

– Потому что ты добудешь факты, а я пришла бы с донесением на словах. Во-первых, я еще не знаю, где остановился маг. Во-вторых, в любом случае маг не агнец, его на веревочке во дворец не приведешь. Не исключено, что его величество не стал бы разбираться в подковерных интригах и поверил тем, кого дольше знает, а именно, своим министрам и советникам. И даже если бы поверил мне, полагаю, что маги держат между собой связь, и они успели бы мобилизовать свои силы по первому же сигналу любого из министров. Развязалась бы война. Ты же сумеешь все сделать без лишнего шума и ненужных жертв. Так что, – монахиня позволила себе мимолетную улыбку, – я считаю, что тебя нам послал сам Всевышний!

– Что-то больно дорогой ценой мне это послание досталось! – не удержавшись, съязвила я.

– Пути Всевышнего неисповедимы! – Собеседница порывисто перекрестилась. – К тому же в твоем случае все потерянное еще можно вернуть. Непоправима одна лишь смерть, хотя и это утверждение спорно.

– И когда я смогу приступить к осуществлению плана? – Я старательно удерживала маску равнодушия на лице, хотя внутренне вся дрожала от нахлынувшей радости – несмотря на неприятный и даже опасный повод, меня вновь ждала свобода. Пусть даже временная. Представляю себе лицо Талейна, когда он узнает, что после всего случившегося я согласилась спасти его жизнь!

– Полагаю, сегодня тебе нужно отоспаться после тяжелого дня, а завтра, после вечерней трапезы, я надеюсь, адрес будет уже в моем распоряжении, – несколько остудила мой пыл настоятельница. – Я тут же принесу его. А сейчас отдыхай. Доброй ночи! Да хранит тебя Всевышний!

Она встала и пошла к двери, унося с собой поднос. Когда уже переступила порог, я решилась ее окликнуть:

– Мать Лавиния!

– Да? – Настоятельница с готовностью обернулась.

– Почему кровать такая короткая? – Я кивнула на недоразумение у стены. – Здесь же можно спать только сидя!

– Верно! – Тонкие губы вновь тронула мимолетная улыбка. – Глубокий сон – происки дьявола, он мешает истинно верующему сразу после пробуждения начать осознанное чтение молитвы и осенить себя крестным знамением. Поэтому мы предпочитаем спать сидя, чтобы быть всегда наготове. Ибо ночью человек особенно беззащитен, потому как мрак скрывает бесов. И защититься от них нам помогают молитва и крестное знамение. Не волнуйся, ты привыкнешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.